

СОЧИНЕНІЯ

В. ПЕТРОВА.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

.....
ИЗДАНИЕ ВТОРОЕ.
.....

САНКТПЕТЕРБУРГЪ,

ВЪ МЕДИЦИНСКОЙ ТИПОГРАФИИ

1811 года.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи, до выпуска изъ типографіи, представлены были въ Цензурный Комитетъ: одинъ экземпляръ сей книги для Цензурнаго Комитета, другой для Департамента Министрства Просвѣщенія, два экземпляра для Императорской публичной библіотеки, и одинъ для Императорской Академіи Наукъ. Санктпетербургъ Сентября 2 дня 1811 года.

*Цензоръ Коллежскій Совѣтникъ и Кавалеръ
Ив. Тилковскій.*

СОЧИНЕНІЯ

В. ПЕТРОВА:

О Д Ы.

НА КАРУСЕЛЬ.

1766.

Молчише звучны плесковъ грома,
Пиндара слышныя въ уснахъ;
Подъ прахомъ горды ипподромы,
Опъ коихъ Тибръ спональ въ брегахъ,
До облакъ восходили клики,
Коль вы предъ онымъ не велики,
Кой намъ опкрышь въ прекрасный вѣкъ
Екатериной державы;
Когда иппомецъ вѣчной славы
Геройсхва Россъ на подвигъ шекъ!

Часть I.

Я слышу спральной шумъ музыки!

То слухъ мой нѣжишь и живишь.

Я разныхъ зрю народовъ лики!

То взоръ мой шѣшишь и дивишь.

Во славъ древняя Россія,

Римъ, Индія, и Визаншя

Являють ску рай опрадь!

Споаяца одадь зависшь рдишя,

Смотря на зрѣлице чудишя,

Забывшись свой всадѣржишь ядь.

Ошверзь Плушонъ сокровищъ нѣдра;

Подземный свѣшь вдругъ выникъ весь;

Нашура чшо родинъ всещедра,

Красошь ея предспала смѣсь.

Сафиры, адаманты блещуть,

Рубинъ съ смарагдомъ искры мещуть

И поражаютъ взоръ очей.

Низведъ зѣницы Фебъ дивишя,

Чшо въ зеркалахъ нещепныхъ зришя,

И умножаетъ свѣшь лучей.

Драгимъ уборомъ покровенны
 Лешяшъ быспряе спрѣль кони;
 Брозды ихъ пѣной умовенны,
 Сверкають изъ ноздрей огни.
 Крушяшся, попають бурливы,
 По вѣпру долги вѣють гривы;
 Копыща мещуть вихремъ персть.
 На нихъ подвижники избранны,
 Теча съ спези пескомъ усланны,
 Спремяшся чесни храмъ опверсть.

Въ присущствіи самой Минервы :
 Таланшовъ зрящей ихъ на блескъ
 Всѣ рвущся бышь искусствомъ первы,
 Снискашь ея, верхъ щасья, плескъ.
 Безмѣрной славы нудимъ жаждой,
 Всѣ силы напрягаешь каждой
 Свой подвигъ щасливо прощешь.
 Коль всадникъ сей удалъ, поспѣшенъ!
 Коль оный воленъ и успѣшенъ!
 Коль быспрь пого взоръ, мышца, мечъ!

Но кія красоны блиспаюць
 Съ великолѣпныхъ колесницъ,
 Колпоры поле пролетаюць
 Живяй Діаниныхъ стрѣлицъ?
 Не храбрыяль Спаршански дѣвы
 Презрѣвъ ужасны вепрей зѣвы
 Сложились гнаши ихъ по мхамъ?
 Природныя Россійски дщери
 Въ дозволенны вшедь чесши двери
 Пряжни щцацца лавръ мужамъ.

Въ шуму, въ спремишельномъ полешѣ,
 Сверкая зрящихъ въ очеса,
 Пока приближацца ко мѣшѣ,
 Колики дѣюць чудеса!
 Геройству должной алча дани
 Какъ бурны изгибаюць длани
 На разный опытъ жаркихъ душъ!
 Сколь каждая зрится благозрачна,
 Сполъ въ подвигѣ смѣла, удачна;
 Убранствомъ дѣва, духомъ мужъ.

Шумъ зрѣлица услышавъ, рада
 Пеншесилеи горда шѣнь
 Вспаешь, съ копьемъ въ рукѣ, изъ ада;
 Рокъ наки даль ей видѣшь день.
 Зря пола мужество прекрасна
 Споишь недвижима, безгласна,
 Во испупленіи ума.
 Геройствомъ снова вся иылаешь,
 И, еслибъ было лъзя, желаешь,
 Тещи во подвигѣ сама.

По семь, „Цвѣлабъ понынѣ Троя,
 Прервавъ молчаніе, рекла,
 „Когдабъ сего прекрасна спроя
 „Я вождь, ей въ помощь пришекла.
 „Опъ рукъ бы нашихъ пали Греки,
 „И ябъ стусшивъ ихъ кровью рѣки
 „Во лучшихъ лаврахъ умерла.
 „Почто я дѣвъ не общна лику?
 „Почто смершь шѣнь мою велику
 „Толь рано въ адѣ заперла?“

Промолвя шако Амазонка

Низпала паки въ ада шьму,

И рѣчь ея доселѣ звонка

Исчезла зрѣлица въ шуму.

Тамъ рицари взаимъ пылають,

И жаръ за жаромъ изсылають,

Крушяшь коней, звучашь броньми;

Во рвеніи, въ пыли и пошѣ,

Въ незнающей успашь охонѣ

Сверкають златомъ и мечьми.

Герой, Славянь во блескъ одѣянь,

Мой како духъ къ себѣ влечешь!

Коль бодръ и чудень вождь Индѣянь!

Коль славно подвигъ свой печешь!

Но какъ мя вниязь изумляешь,

Кой грознымъ видомъ представляешь

Пустынного изгнанца плодъ!

Взглянувъ на мужество такое

Ссбябъ самага въ семь героѣ

Запряся чалмонэцевъ родъ.

А въ оноуь, кой лепишь подь шлемомь,
 Вожди шѣ явны и вдали,
 Кошоры Ромула со Ремомь
 Своими праопцами чли.
 Его десница скородвижна,
 Почпи видѣнью непоспижна
 Со взмахами сѣкаешь вдругь!
 Камилль, во злоключеньи Рима,
 Спѣна врагамь необорима,
 Таковъ имѣль и взорь и дужь.

Таковъ былъ Декій, кой въ средину
 Враговъ ярящихся вскочилъ,
 И сына пужь вкусишь судьбину
 Своимъ примѣромъ научилъ.
 Въ Маркеллѣ шаково проворшво,
 Когда держаль единоборшво,
 Какъ Галль подь нимь ревлѣ прозень.
 Такъ всякъ спѣшишь себя прославишь,
 Разишь медвѣдей, гидръ безглавишь,
 И быши лавромь увязень.

Во изумленіи глубокомъ
 Театръ подвижничій я зрю,
 Бѣгущихъ провождаю окомъ
 Я разными спрасъями горю.
 То сердце бьется мнѣ онь спраху,
 Чпобъ сей герой пена съ размаху
 Чѣмъ не былъ въ бѣгѣ прешковемъ;
 То вдругъ, лишь онъ мечемъ заблещетъ,
 Его успѣху совосплещетъ.
 Чужимъ я щаспьемъ оживленъ.

Но что не слышанъ попошь болѣ;
 Упихъ геройскихъ жаръ сердцецъ?
 И для ково пространно поле
 Осналось праздно наконецъ?
 Еще не кончилась потѣха;
 Еще опвѣдани успѣха
 Въ несмѣсной съ прочими красѣ
 Со Римляниномъ Туркъ исходипъ.
 Ихъ па же снова чеснь предводишъ.
 Два выступили; смотряшъ всѣ.

Предлоги общія бесѣды

Къ себѣ усердя всѣхъ влекушь,
 Кому изъ нихъ желашь побѣды?
 Свой оба славно пушь пекушь.
 У обоихъ кони послушны
 Какъ вихри движущся воздушны,
 Неся ихъ быспро къ мѣшѣ хваль.
 Одежда, поступь ихъ особа,
 Но жаромъ одинаки оба
 И Римлянинъ и Туркъ удалъ.

Орель когда помимый гладомъ

Шумя на воздухъ парить,
 Узрѣвый пшиць лешящихъ спадомъ
 Разить, поспигнушь ихъ горить;
 И вдругъ пущясь полетомъ вспрѣчнымъ,
 И криль движеньемъ быспрошечнымъ
 Уже за ними гонить близъ,
 И алчну челюсть раздвигая
 И оспры когти пропягая,
 Кружить по нимъ и въ верхъ и въ низъ.

Подобный здѣсь царю пернатыхъ
 Полетъ, въ героихъ вижу двухъ,
 Желаніемъ хвалы объяныхъ;
 То мзда подвижничьихъ заслугъ.
 Сіяя видомъ благороднымъ
 Являющъ очесамъ народнымъ
 Соперничество и родство.
 Вода коней ко бѣгу нудящъ,
 Весь жаръ сердець, всѣ силы будящъ
 Взящъ другъ надъ другомъ шоржество.

Такъ быспро войны Пешровы
 Скакали въ Марсовыхъ поляхъ,
 Такія въ нихъ сердца орловы,
 Таковъ былъ чель и дланей взмахъ;
 И крѣпки мышцы, легки члены
 Рожденные плѣнниши плѣны:
 Когда въ жару кровавыхъ сѣчь
 Лешали молніей по спрою,
 И безошибочной рукою
 Сжинали главы съ вражьихъ плечъ.

Умолкли прубь воинскихъ звуки,
 И полный конь пресѣкъ свой скокъ;
 Спокоились геройски руки,
 Лишь мушный кажешь слѣдъ песокъ.
 Онъ пылью весь покрышь гусшою,
 Какъ поле въ лѣпню ночь росою,
 Какъ налегаешь парь водѣ.
 Уже печеніе скончали,
 Ужь новой славой возсіяли
 Герои храбры по шрудѣ.

Не столь сіяюшь въ небѣ звѣзды,
 Не красенъ столь зари восходѣ,
 Ни Римлянъ въ градъ преславны въѣзды,
 Побѣдъ гремящихъ лесный плодъ,
 Во вѣки шако не блиспали:
 Коль красны Россы днесь предспали.
 Вожди въ уборахъ шамь своихъ
 Везлися лавромъ украшенны:
 Здѣсь дѣвы попомъ орошенны
 Не безконечноль краше ихъ?

И се подвижнѣйшихъ героевъ
 И дѣвъ побѣдоносный хоръ
 Въ черного вожди приемлюшь воевъ
 Судей цѣнишелей соборъ.
 Тамъ мужъ украшенъ сѣдиною
 Той лавры раздаешь рукою,
 Изъ коей въ браняхъ громъ мешалъ.
 Луна ошь спрѣль его мрачилась,
 Когда на Россовъ ополчилась,
 И Поншь волнь черныхъ вострепещалъ.

О како зелень лавръ, прелесчень,
 Который лавроносцемъ данъ!
 Коль шопъ герой великъ и чесень,
 Кой спамъ героемъ увѣнчанъ!
 Коль славны подвига награды,
 Кошоры при очахъ Паллады
 Вамъ, красны дѣвы, дарены!
 Колькрашно око ваше взглянешъ
 На мзду, шолькрашно въ мысль предстанешъ
 И шрудъ, чѣмъ вы ошличены.

Ты мало, Римъ, себя прославиль,
 Чпо мечебишцевъ пы полки
 Передъ народны очи спавиль,
 И кровью ихъ багриль пески.
 Чпобъ честь позорища умножишь
 Ты радъ бы цѣлый свѣтъ вспревожишь,
 И изъ за дальнѣйшихъ морей,
 Изъ Африки дубравъ дремучихъ,
 Изъ внутренности бласть зыбучихъ
 Влачили чудовищныхъ звѣрей.

Но сколь пы бышь ни мнился пыщенъ :
 Въ когняхъ у льва, несчастныхъ спонъ,
 Кой намъ сквозь спольки вѣки слышенъ,
 Гласишь въ шебѣ ума уронъ.
 Сіе увеселенье наше
 Твоихъ колико зрѣлицъ краше!
 То вѣчна Невскихъ честь береговъ.
 Кпо въ свѣтѣ Россовъ ненавидишь,
 Да Росскихъ дѣвъ въ оружьи видишь.
 Попѣха наша, страхъ враговъ.

Къ великолѣпнѣю пристрастьѣ
 Царя не сильно опмѣнишь.
 Къ пороку часто поводъ щастье ;
 Въ немъ трудно мѣру сохранишь.
 Коль крапъ владѣтели чрезъ пышность
 Въ позорну падающъ излишность
 Творя безпрочны чудеса !
 Египтъ вѣнчалъ ли прудъ наградой,
 Что камней мерпвою громадой
 Подпершь спремился небеса ?

Сверхъ многихъ божеству приличій
 Екатерина новый пущъ
 Открыла достиганъ величій
 Свой духъ лѣя подвласнымъ въ грудь.
 Чрезъ игры, комъ показуешь,
 Она въ нихъ души образуешь,
 Ихъ въ новый облакая видъ.
 Весь мѣръ содержишся движенъемъ :
 Геройство живо упражненъемъ
 Недвижныхъ выше пирамидъ.

Благополучень я спокрашно,
Чшо въ сей злашой мнѣ жиши вѣкъ
Судило Небо благодапно,
Въ кой всякій весель чловѣкъ.
Я видѣлъ Исѣмъ, Олимпъ, Пцею,
Великолѣпный Римъ, Нимию
Во большихъ красотѣ чудесь.
Я зрѣлъ Диогоровъ, Фероновъ,
Которыхъ шумомъ лирныхъ звоновъ
Парящій Фивянинъ вознесъ.

НА СОЧИНЕНІЕ НОВАГО УЛОЖЕНІЯ.

Что тако злоспъ и ковъ прѣпещеть,
Мянешся люшая вражда,
Раздоръ въ опчаяныи скрежещеть,
Бѣгущъ во пигровы спада;
Хула и умысль беззаконный
Въ адъ хочеть свергнушься бездонный,
Не зная долу гдѣ спасишь?
Не пакиль небеса Ѡемидѣ
Во чловѣческомъ къ намъ видѣ,
Веляшь на крыліяхъ снесишь?

Не баснословная богиня
 Пороки сокрушишь грозись,
 Премудра Россось Героиня,
 Живая правда, ихъ разишь.
 Удариль спрашний громъ закона
 Съ Екатеринина въ нихъ шрона,
 И шпрѣлы многи, яко градъ.
 Нечестье, Фурія земная,
 Куда ошь молніи Синая
 Теперь укроешься? во адъ.

Средь райскаго красуясь дола,
 Межь градовъ, какъ межъ звѣздъ луна,
 Блишная дрезношью прешола,
 Веселіемъ возхищена,
 Москва главу вѣнцемъ покрышу
 Безсмертъя лаврами обвишу
 Возносишь къ горьнимъ облакамъ,
 Пресвѣшлыгъ мечень окресь възоры,
 Въ подверженны поля и горы,
 Къ далекимъ разныхъ морь брегамъ.

Во звучны славою предѣлы,
 Во весь полунощи округъ,
 Въ града, въ блаженны миромъ селы
 Съ трубой парящій видишь слухъ.
 Онъ роды всѣ зовешь въ участье
 Писани собственно ихъ счастье,
 Ихъ душу жинельства, законъ.
 Чпюбъ всякъ былъ жребіемъ доволенъ,
 Всякъ даши гласъ свой будешь воленъ,
 Всякъ пользы собственной шекшонъ.

Тамъ разнымъ племена языкомъ
 Ко Господу взывающъ силъ;
 Великъ Господь въ Петръ Великомъ,
 Великъ въ Елисаветъ былъ:
 Но коль прославленъ, дивенъ нынѣ
 Въ возлюбленной Екатерины,
 Орудіи Твоихъ чудесъ;
 Ты ими насаждалъ въ насъ крины
 Закономъ ты Екатерины
 Преложишь землю въ видъ небесъ.

Иной достигнувъ жизни краю,
 Обрадованный вѣспью сей,
 Теперь спокойно умираю,
 Гласишь возрѣвый на дѣшей.
 Мнѣ въ шумной смерти на опрада,
 Чшо вамъ, мои любезны чада,
 Опшнынѣ Промысль положиль,
 Монаршей милосши подѣ кровомъ,
 Цѣвсши во благоденствѣ новомъ,
 О! коль насъ Скипешрѣ одолжилъ!

Кто люшоспью, какъ пшгръ пылая
 Спремшпся въ бурныхъ мыслей пущѣ,
 Ногами шрупы полшрая
 Спѣшшшь лаврѣ лесшный досягнушь,
 Плывя въ рѣкѣ кровавой пѣны
 Гошовшшь чуждымъ пронамъ пѣны,
 И сшрымъ шягошу желѣзъ;
 Внезапнымъ шасшлшвъ вѣроломшвомъ
 Предѣ позднымъ лѣшшшся бышъ пошомшпемъ
 Досшшшый пѣсней Ахшллесъ.

Екатерина въ нѣдрахъ мира,
 Покоя сладкаго въ шѣни,
 Въ дыханьи нѣжнаго зефира
 Даспъ вкушашъ златые дни:
 Ея крошчайшая держава
 Жизнь подданнымъ, Ей вѣчна слава;
 Ея лавръ оный краше всѣхъ,
 Что Ей подвластны безъ премѣны
 Какъ лавры всѣ цвѣтущи зелены,
 Не зная въ щаспїи помѣхъ.

Хотя предъ щаспливымъ солдатомъ
 Паспъ долженъ слабый, иль бѣжащъ:
 Трудный во свѣлѣ бытъ Сокрапомъ
 И молча смертныхъ одолащъ,
 Безъ страха ближнимъ, быши сильну,
 Благодѣльницами обильну.
 Монархїя воюешъ злоспъ;
 Хотя молчанъ Ея перуны
 И спящъ орлы въ подножьи юны,
 Спрашна Ея порокамъ шрость.

О древность чудная дѣлами,
 Вещей различныхъ бытіемъ,
 Колпору жадными очами,
 Въ неплѣющихъ скрижаляхъ чтемъ,
 Опкрой земнаго мнѣ Державца
 Опца, вождя, законодавца,
 Такихъ исполнена доброшъ,
 Какія зримъ въ Екатеринѣ,
 Разящей злобу Героинѣ,
 Живомъ источникѣ щедрошъ.

Сквозь грозны въ свѣпѣ перемѣны,
 Сквозь опдаленныхъ мглу вѣковъ,
 Я древняго Египта слѣны
 И щасше бывшихъ зрю родовъ ;
 Тамъ мудры Озиридъ усшавы
 Въ предѣлы своея державы,
 Опецъ подвласныхъ, пщипся ввешъ,
 Во чинѣ прехвальнѣй все усшрошъ
 И перваго себѣ присвоишъ
 Законодавца въ свѣпѣ чесшъ.

По немь Кацдін обладатель
 Примѣру слѣдуя сему,
 Ревнуеть бысть законодапель,
 Опець народу своему:
 Ликурзь огнемь военнымь дышеть,
 Перомь сосѣдству спрашнымь пишеть,
 Суровость для Спаршань одну,
 Чрезь пляжко имь самимь геройство
 Домашне ушвердинь спокойство,
 Чрезь брань ввесть хочеть пищину.

Жестокость спранну умѣряеть,
 Копорой буйствоваль Драконь,
 Черны кровавы заглаждаеть
 Въ его преданіяхь Содонь;
 И ушомленному народу,
 Подаеть желанную свободу,
 Возспавишь пищинся въ немь покой;
 Слоспѣшники всеобща блага,
 Преносятъ судь Ареопага
 Во градь Квирипы мудри свой.

Но ахъ! кій вопль, коль сяжки муки
 Тамъ чадамъ, машерямъ, опцамъ,
 Неслышны въ нихъ похвальны звуки
 Законовъ должны шворцамъ.
 Младенцы шамо неловинны
 Казнь шерпяшь какъ рѣби злочинны;
 Послѣдню бѣдныхъ кровь піешъ
 Корысполубіе несъшо;
 И милосердіе забышо
 Нещаснымъ крова не даешъ.

Монархія благоушробна
 Пропивной шештвужа спезей,
 Безъ грому небесамъ подобна,
 Щадя какъ Машъ своихъ людей
 Во основаніе закона
 Любовь со вышоты шлеть шрона;
 Любовью начинаешъ судъ;
 Даруешъ своему народу
 Писашъ, чшо чувствуюшъ, свободу;
 Да сами облегчашъ свой шрудъ.

О ны, который земнородныхъ
 Щасливо общество нарекъ,
 Гдѣ Царь исполненъ превосходныхъ
 Даровъ, ведешь свой мудро вѣкъ,
 Иль гдѣ въ сіяки короны
 Премудрость подаешь законы,
 Возстань Платонъ, и посмотри,
 У насъ Минерва на престолахъ;
 Ея покоряемъ мы волю;
 Ей спавимъ съ вѣрой олтари.

Отверзлись свѣтилоспей небесныхъ,
 Безсмертнымъ входныя врата!
 Мой духъ видѣній полнь чудесныхъ
 Со страхомъ горьки зришь мѣсна.
 Преславенъ въ сонмѣ вѣнценосцовъ
 Открылся обновитель Россовъ,
 Законодавецъ и Герой,
 И купно съ нимъ Елисавета,
 Исполнена подобна свѣта,
 Пречудна равной красотою.

„Прииники на Екатерину

„Речешь ко дщери Петръ своей,

„Оспраду по Тебѣ едину.

„Сраженныхъ скорбію людей;

„Избранну въ нашу кровь побою,

„Чпо поюжь, какъ шебя, рукою

„Небесный промысль увѣнчалъ.

„Ся ли дасшь умолкнушь звуку,

(Гласишь просперши персшь на Внуку),

„Моихъ, швоихъ великихъ хваль.

„Не уснешь Та, ниже воздремлешь,

„Храня Монаршій чпящихъ пронь;

„Единой ихъ рукою объемлешь,

„Другою пишешь имъ законъ.

„Какъ я, зависшнымъ угрожаешь,

„Какъ шы, щедршы изливаешь

„На всѣ земныя племена;

„Врагамъ страшна, молніевидна;

„Своимъ надежда непосыдна;

„Во всей подсолнечной дивна.

„Низзри какъ Паввль весь облекся
 „Въ геройства видь, въ надежды свѣшь!
 „Ктобъ самымъ взоромъ не привлекся
 „Желашь Ему щаспливыхъ лѣшь?
 „Орломъ взлешипъ высокопарнымъ,
 „Въ рядъ спанешъ съ солнцемъ лучезарнымъ,
 „На чпо ни взглянешъ, оживишь,
 „Науки разумомъ проникнешъ,
 „Премудро царшвовашъ навикнешъ,
 „Какъ Машъ вселенну удивишь.

Но чпо въ умѣ моемъ скрываетъ
 Видѣній райскихъ красоту?
 Кій шумъ во уши ударяешъ
 И гонишь сладку прочь мечту?
 Согласно разные народы,
 Грядущи представляя годы,
 Вываюпъ свѣшовъ ко Ошцу:
 Да щастье наше Богъ умножишь,
 Царицѣ дни на дни приложишь,
 Привестъ начашое къ концу.

А шѣ, копорые недавно
 Спеклись въ Россію пришлецы
 И орлими крылами равно
 Покрышы съ нами, какъ пшеницы,
 Внезапно внявъ шумъ славы звучной
 Гласищей вѣкъ благополучной
 Возстановляемый для насъ,
 Иль паче щасшья совершенство,
 Воспомнивъ и свое блаженство,
 Своимъ сугубяшъ общій гласъ.

Благословень, подъ Росскимъ небомъ
 Свое дыханье кно влечешъ,
 Не сполѣ весеннимъ въ полдень фебомъ
 Коль въ нѣдрахъ Матери согрѣшъ;
 Во дни извѣдали мы крапки,
 Коль здѣшнихъ спранъ плоды сунъ сладки,
 Коль сладки Волжскія спруи;
 Хотя здѣсь дышуть вѣтры хладны,
 Но мразы больше намъ опрачны,
 Какъ, Зефиръ, нѣжности швои.

Но кіе лики всюду зрящся
 Мужей, чпо шеспвуююшь во храмъ?
 Всѣ смирной олшари дымящся,
 Восходящъ гласы къ небесамъ?
 Царица свыше вдохновенна,
 Во всѣхъ пунияхъ благословенна,
 Съ высотъ дѣламъ заемлещъ свѣтъ.
 Начало само показуещъ,
 Начало намъ прообразуещъ,
 Какъ Россъ подъ солнцемъ процвѣтеть!

Вдовы ошъ радости восприяше,
 Ошрише слезы сироты,
 Убоги сѣтовашъ престанъше,
 Забудъше сильныхъ пяготы,
 Всѣхъ духъ и мысли успокойтесъ;
 А вы пресшупники убойтесъ
 Сплешашъ на ближнихъ злобный ковъ;
 Илъ меснѣ исправой упрещше,
 Ошнынѣ истинныхъ явитше
 Въ себѣ опечесшва сыновъ.

Но кто шлоко своевольну
 Предприметь мысль, шакъ будешь жить,
 Чшобъ Машъ всѣмъ равно сердобольну
 Враждой на брашей раздражить?
 Чье сердце шоль во злобѣ швердо,
 Ея чшобъ око милосердо
 Склонишь къ добршамъ не могло?
 Гдѣ правда хочешь воцаринься,
 Тамъ кто посмѣеть усшреминься
 На ненавистно оной зло?

Небесны коль свѣшила спройно
 Текушь въ предписанныхъ кругахъ,
 Согласно шполь же и пристойно
 Въ земныхъ печеніе дѣлахъ,
 Въ своемъ вещь каждую узримъ чинѣ:
 Угодно шакъ Е к а т е р и н ѣ ;
 Земное Божество велишь ;
 Такъ судъ посшавлень непреложно ;
 Чшо намъ бышь мнинься невозможно,
 Всесильный Ею совершинь.

Премудростью многоочина,
Щедрами обильна Мать,
Упѣха Россовъ и защита,
Небесъ къ намъ промысла печать,
Живи, цвѣщи и долголѣтствуй,
Съ престоломъ пишину наслѣдствуй,
Чѣмъ цвѣлъ Елисаветинъ вѣкъ.
Но Твой да шѣмъ пребудешь пише,
Чѣмъ щаспѣемъ народнымъ выше
Всѣхъ благъ сокровищемъ воспѣкъ.

НА ВОЙНУ СЪ ТУРКАМИ.

1769.

Сулпанъ ярился! ада дщери
Въ немъ Фуріи раздули гнѣвъ.
Дубравные завывли звѣри
И волкъ и песь разинуль зѣвъ;
И криками ноцные враны,
Предвозвѣщая кровь и раны,
Всѣ полняшъ ужасомъ мѣста;
И надъ сералию комеша
Бѣды на часшъ полночну свѣща
Трясешъ со пламенна хвоста!

Война, война виситъ ужасна,
 Россія, надъ швоей главой,
 СекванѢ мочь швоя опасна:
 Она рогъ сперши хочешъ швой.
 Ты въ шомъ винна предъ ней единомъ,
 Чшо ты ей зришься Исполиномъ;
 Ты кедръ, а прочи царшва шросишь.
 Такъ ты должна болѣшь, сражашся,
 И въ силахъ ты должна шеряшся,
 Чшобъ ей швоею шрашой росишь.

Такъ часшо гады ядовишы
 Залегши въ лѣсѣ подъ кустомъ,
 Кудрявой зеленью закрышы
 И палымъ со древесъ лисшомъ,
 Когда кшо мимо понесешся,
 И кустъ имъ шронуть зашрясешся,
 Грозя полудню ихъ открьишь,
 Да мнимую напасишь умаляишь,
 Прохожаго отъ шпраху жаляишь,
 Чшобъ имъ раздавленнымъ не быишь.

Чудовища всеродны ада,
 Все злое, кромѣ лишь себя,
 Она бы выспавиши рада,
 Россія, супрошивъ шебя.
 Но Туркъ пошлетъ свои знамена,
 А аду кознь ея замѣна.
 То жаляща межъ правъ змя.
 Да скроешь зависшь опъ Европы,
 Она лишь будешь вестъ подконы:
 Моць Турковъ, умыслы ея.

Такъ шашь, да пушника ограбись,
 Возсѣдь на рѣзваго коня,
 Бодень его, и поводъ слабишь,
 Ко бѣгу силой всей гоня,
 И буйный скопъ не зналъ кова,
 Орудіе грѣха чужова,
 Привыкшій по полямъ рисшашь,
 Уздѣ послушанъ власшелина,
 Не зря, чпо холмъ или долина,
 Течешъ невиннаго спопшашь.

Отъ юга, запада, востока,
 Изъ Мекки и Каира врапъ,
 Гдѣ хвально имя лжепророка,
 Гдѣ Ниль шумишь, гдѣ Тигръ, Евфратъ,
 Уже прошивники Россіи
 Спекаются ко Визанціи;
 Какъ кровь изъ всѣхъ ко сердцу жишь.
 Во бѣшенствѣ, въ шрясенъи яромъ
 Войну рѣшишь однимъ ударомъ
 Султанъ на сердцѣ положилъ.

Уже послушны грозной волѣ
 Серальный кою рекъ герой,
 На Марсово со шумомъ поле
 Износятся, за роємъ рой;
 Чрезъ Гемъ, чрезъ верхи Родопы
 Несушь спремипельныя снопы,
 Нещепны, горды не вопще.
 Тѣснящая преднимъ надъ Дунаемъ,
 Но заднимъ воинства ихъ краемъ
 Въ Спамбулѣ движущся еще.

Коликія долпы! народы!

Прошяглася предмина цѣнь!

Какъ насыпь разорвавши воды

Шумящъ и спелжшся на шепъ.

Свирѣны, какъ кони взоржавши,

Ярма и удиль не познавши;

Спупающъ борзо по землѣ.

Ужь въ мысли все спопшали, сперли,

Свой ходъ въ нушрѣ Сѣвера просперли;

Нога ихъ спала во Кремлѣ.

Ихъ мчашъ кони, превозящъ чолны,

Пушемъ господствующъ сухимъ;

Покрышы ихъ судами волны

Текущими въ союзный Кримъ.

Чшобъ ихъ была вѣрний побѣда,

Ошпюль, поклонникъ Магомеда

Шлешъ нову въ Сѣверъ саранчу.

Секвана шу изчешъ безсильна.

Колико жашва шушъ обильна

О Россы! вашему мечу!

Лишь въ поле выступише ратно,
 Трофей вамъ будеть каждый шагъ;
 Сразишеся коликокрашно
 Толькрашъ падеть подъ вами врагъ.
 Какъ грозны молніи лешучи
 Густыя разсѣкають пучи
 Сверкая по просперной мглѣ:
 Вы шако, шако пошекише
 И шако Турковъ, разсѣкише;
 Вашъ жаръ вамъ молнійны крылѣ.

Да снидеть на главы ихъ кара
 Во громъ, въ пламени, въ дыму;
 Да прескъ имъ даннаго удара
 Въ Спамбулѣ слышанъ и въ Крыму,
 Во цѣломъ свѣпѣ слышанъ будеть;
 Да гордый, зря ихъ казнь, забудеть
 Смущанн ближняго покой,
 Да кто законовъ не боишся
 Законы нарушанъ спрашишся
 Удержанъ вашею рукой.

Поправши шако мощь звѣрину
И миромъ увѣнчавши брань,
Вѣнчайше вы Екатерину:
Сія Ей почесть должна дань.
Да, зря Машь вашу лавроносну,
Секвана въ грудь ударишь злосну;
Во несперпиму падь шоску,
О щепенной кипросши воздохнешь,
Опъ зависши въ спруяхъ усохнешь,
И чупь влачишся по песку.

НА ВЗЯТІЕ ХОТИНА.

1769.

Что часны громы ударяютьъ
Отъ норда въ южные край?
Свирѣпымъ пламенемъ рыгаютьъ
Прохладны Днѣспровы спруи?
Тамъ въ чорну шучу дымъ густинися,
Отъ молній день средь ночи зришя.
Не вѣчны ли заклены рвушь
И огонь рѣкой спихи льюшь,
Борьбу въ земномъ не кончивъ чревъ?
Нѣшь; Россъ враговъ шерзаетъ въ гнѣбъ.

Кто крошку съзера Царицу
 На спрогошь мести преклонилъ ?
 Кто пишущу законъ десницу
 На брань кроваву ополчилъ,
 Тишайшую зефира въ домѣ
 Принудилъ внѣ явишься въ громѣ ?
 Я вижу ; гордая Луна
 Опъ спрѣль Россійскихъ зашмѣна !
 Опяпъ ны нашъ покой превозишь,
 Опяпъ свою погибель множишь !

Опъ знойныхъ спранъ вознявшихъ пруги
 Въ полночной пѣмами край лепяпъ,
 Шумя спремяпся въ нивы, въ луги,
 Пожрапи сельный плодъ хопяпъ.
 Вдругъ бурный вѣспрѣ дохнувый хладомъ,
 Изъ облакъ опягченныхъ градомъ,
 Премногу смерпъ на нихъ дождипъ,
 Вершипъ ихъ, пискаепъ, мождипъ ;
 Ужъ люпыхъ Гарпій полкъ голодный,
 Съ пескомъ пошокъ уносипъ водный.

Во грозну шучу шакъ сложенны
 На Россовъ варвары шекли,
 Огнемъ и злобой воруженны
 Всю полночь въ гордыхъ мысляхъ жгли,
 Пльнили, рвали, разхищали;
 Но вдругъ среди шриумфа пали
 Сраженны опъ громовыхъ рукъ;
 До Сейны ихъ раздался звукъ.
 Струи Дивъспра ихъ шруповъ полны
 Несушь крушня ихъ въ черны волны.

Смѣсившись съ кровью поншь гуспѣеть,
 И вержеть на брега Срацынь:
 Шпамбуль опъ шпраха цѣпенѣеть,
 Ярипся въ злобѣ Солнцевь сынъ.
 „Какъ? я лишь въ новой свѣшь облекся,
 „И побѣдишелемъ нарекся,
 „Я блескъ съ шудомъ шпращу свой!
 „Умру нещаснымъ Мусшафой!
 „Сберемъ всю рашь, пойдемъ, насшупимъ,
 „Побѣдой нашъ уронъ искупимъ.

Пошекъ, но вдругъ оспановилсѣ
 Внезапнымъ прескомъ пораженъ ;
 Хопинъ упадши разрушилсѣ,
 И звукъ ко звуку приложенъ !
 Онъ ризы въ гнѣвѣ раздираешъ,
 Въ Медину руки проспираешъ,
 „Возставъ, кричишь, падущу мочь,
 „Опбей Россійски силы прочъ.
 „Не внемлещи! — и шы полнъ злосши ;
 „Вопще мы чшимъ швой гробъ и косши.

То злобой онъ и мщеньемъ дышешъ,
 Грозитъ пролишь послѣдню кровь ;
 То миръ рукой дрожащей пишешъ,
 Не смѣешъ въ бой пусшишься вновь ;
 Блѣднѣешъ, спонешъ и шрепещешъ,
 Спрашишь, яришся и скрежещешъ :
 Такъ ядъ изливша свой змѣя,
 Подъемля грудь и хвоспъ вѣя,
 Еще шипишь, еще зѣяешъ,
 И шщелнымъ жаломъ ужасаешъ.

Поспавя въ спрой паляци хляби
 Ты брань громчае вознови;
 Нумидскихъ львовъ въ свой станъ заграби,
 И море въ помощь призови;
 Ливански горы въ Крымъ предвигни;
 Вдругъ огонь и смернь и ядъ изрыгни
 На сильны Россіе полки;
 Еще прошиву пошеки:
 Падушъ во прахъ твои укрѣпы;
 Бѣги и край своихъ въ вершепы.

Познай, не инны, почно Россы
 Свой громъ на полдень понесли;
 Ихъ прадѣды побѣдоносцы,
 Опцы ихъ край Поннійской ягли.
 Еще земля багорова зрился;
 Взгляни, Азовъ еще дымился.
 Подъ шлемомъ Россъ! дрожишь Херсонъ:
 На югъ Россъ! вездѣ огонь:
 Вездѣ съ подвижники Россіи
 Воюешъ небо и спихи.

Но кая странна рѣчь приходишь
 Въ мой полный прубныхъ гласовъ слухъ?
 Къ любезной крошоспи преводишь
 Въ сурову брань вперенный духъ?
 Вы яры волны укропишесь;
 Вы бури въ шихосъ превратишесь;
 Внимай со спрахомъ смертныхъ умъ;
 Умолкни люшой брани шумъ;
 Преспаньше смертъ родящи звуки;
 Почийше копя, мечъ и луки.

Обѣшованная отъ вѣка
 Небесъ посланница и дщерь,
 Копора учишь челоуѣка,
 И кажешь ко блаженспиву дверь,
 Сердца любовью сопрягаешь,
 Подъ скипиръ единый созываешь,
 Подъ крошку власъ весь смертныхъ родъ,
 Царица мира, маъь доброшъ,
 Священна Вѣра гласъ возносишь
 Творца смиреннымъ духомъ просишь.

- „Приникни съ высопы прешола,
 „О Боже! на дѣла земли,
 „Возри, средь освященна дола
 „Враги завѣша возлегли!
 „Въ градахъ всендневный вопль плабненій,
 „Во храмахъ мерзоснѣ запусибнѣй;
 „Нечеснѣемъ законъ погранѣ,
 „Порокомъ долгъ и судъ изгнанѣ;
 „Моря и оспровы въ неволѣ:
 „И Ты, о Господи, доколѣ;

- Но прелатай море въ сушу
 Въщаепъ Сильный опъ небесъ:
 „Я скипиръ дарю, я царсшва рушу;
 „Вся шварь полна моихъ чудесъ.
 „Герой среди побѣдъ прешкнешся,
 „Кшо къ брани безъ меня прешпрешся.
 „Я обласнѣямъ предѣлъ нарекъ,
 „Судьбы мои хранѣнся въ вѣкъ.
 „Кому изслѣдна ихъ пучина?
 „Мой Киръ, моя Екатерина!

„Воспани днесъ, воспанъ Деввора,
 „Преспупны грады разори;
 „Теки, низвергни Вельфегора,
 „Мои воздвигни олшари.
 „Опъ ига мой народъ избави,
 „Судей надъ царспвами посшави,
 „Вселенной возврапи покой;
 „Небойся, я защитникъ Твой.
 „Моей десницею чудопворной
 „Казненъ Египцианинъ упорной.

Воспала, се полки предводишь,
 Разишь преспупниковъ гоня!
 На храмъ Софійскій се низходишь
 Духъ Божій въ образъ огня!
 Прими нещасна Визанція
 Топъ свѣшь опъ Россовъ, кой Россія
 Пріяла древле опъ шебя.
 Примешь, узришь въ немъ себя;
 То намъ побѣда предвѣщаешь,
 То само небо обѣщаешь.

Прекрасны дѣвы днесъ усройше
 Невинный ко хвалѣ языкъ ;
 И старцы съ юноши воспойте,
 Коль Богъ Израилевъ великъ !
 Живущи въ нордѣ воспещите,
 И въ радости со мной гласите :
 Низверглась крѣпость вражыхъ стѣнъ,
 И конь и всадникъ пораженъ ;
 Упали горды чалмоносцы ;
 Преславно шоржесивуюнъ Россы.

А Ты правдивыхъ хвалѣ пучина,
 Источникъ испикныхъ оспрадъ,
 Великая Екатерина,
 Любезна Мать веселыхъ чадъ,
 Рождена смертныхъ родъ поконть,
 На злость и ковь перуны спрощъ,
 Ты въ свѣтъ побѣды облекись,
 Гремящей славой вознесись ;
 Съ шоржесивенныя колесницы
 Проспри на югъ свои зѣницы.

Вездѣ спояшь пшвои шпрофеи,
Гдѣ шокмо Россы шпрошекушь ;
Гдѣ шокмо буйные злодѣи
Запяшь ихъ быспрой пушь дерзнушь.
Орлы пшвои Аѣинь досшигнушь,
И вольность Греции воздвигнушь :
Тамъ новый возгремишь Пиндарь
Россійскія побѣды дарь :
Нещепны воспоюшь народы
Тебя виновницу свободы.

НА ВЗЯТЪЕ ЯСЪ.

1769.

Пою Россійской гнѣвъ богини:

Немолчна пѣснь Ей должна дань.

Бѣги въ Аравскія пущыни

Рукой Ея гонима брань.

Вездѣ зефиры нѣжны вѣйше,

Лѣса и роци зеленѣйше,

Пишайшесь влагою поля,

Цвѣтами упеспрись земля:

Вся шварь Молдавской въ честь Княгинѣ

Теки въ желанномъ нами чинѣ.

Она за вольность спранъ воюешъ ;
 Ты храбрымъ Россамъ спосиѣши.
 Пускай Секвана негодуешъ,
 Ты громка слава ей внуши,
 Коль хитросць оной неуспѣшна ;
 Пускай крушишся безуспѣшна,
 И шомны въ пониъ несешъ спруи,
 И зляся рвешъ пески свои.
 Прельщенны ею Агаряны
 Омойше въ ней кровавы раны !

Бѣгущъ, въ рѣкахъ и блахахъ спонущъ
 Пронзенны опъ Россійскихъ спрѣлъ ;
 Поля, бугры и доли спонущъ
 Подъ пягосшью огромныхъ шѣлъ.
 Пуши услданны шрупомъ смраднымъ ;
 Лежашъ, снѣдъ пшицамъ плопояднымъ.
 Здѣсь конь, шамъ всадникъ, шамъ калчанъ ;
 Кровей гущишся паръ въ шуманъ.
 Такъ гордые Гитаншы пали,
 Зевеса кои воевали !

На Россю мужество взирая,
 На ихъ къ опечесиву любовь,
 О муза ободрись драгая!
 И должны лавры имъ гошовъ.
 Начни, начни, воспой, пощися,
 И съ ихъ усердіемъ сравнися;
 Лепи парящимъ въ слѣдъ орламъ.
 Они всю волю давь крыламъ,
 У Днѣспрскаго взвивались краю,
 Полешъ просшерли вдругъ къ Дунаю.

Внезапный ужась духъ смущаетъ
 Спокойныхъ вольность думъ гоня!
 Безъ шучи молнія блискаетъ,
 Сугубишь полну ясность дня!
 Возводяшь смершны къ небу взоры;
 Молдавскія прясупся горы;
 Дунай ошь спрахъ вспяшь побѣтъ;
 Скрываешь воды Прушь подъ брегъ;
 Полки Россійски дланьми плещушь,
 Иноплеменники шрелещушь!

Гремящей славы сынъ открылся,
 Съ превыспренныхъ пресвѣтлыхъ мѣснъ
 Герой во облакъ спустился!
 На немъ преиспещренъ огнь звѣздъ
 Бѣлѣйшій снѣга вись блистаешъ;
 Свѣтлѣе солнца зракъ сіяешъ;
 Небесная броня и шлемъ.
 Онъ пламеннымъ взмахнулъ мечемъ;
 Срацыны пали ницъ на землю.
 Я гласъ его въ воспоргѣ внемлю.

„Здѣсь славны предковъ вашихъ слѣды,
 „Здѣсь Прушь. . . . О Божіи судьбы!
 „Меня послалъ Творецъ побѣды,
 „Рѣшащій межъ царей борьбы,
 „Да укрѣплю десницу вашу,
 „Вась силой свыше препояшу.
 „Дерзайте Россы! съ вами Богъ.
 „Его покрова я залогъ.
 „Я буду вамъ въ пушяхъ предпечей,
 „Поборникъ межъ кровавыхъ сѣчей.

Блиспаль зарей, и въ облакъ скрылся;
 Изрекъ, и вдругъ невидимъ спаль;
 Въ весельи духа прослезился,
 И неподвижно Россъ спояль,
 Въ умѣ героя представляя
 Очами облакъ провождая.
 Кто былъ? гласяшь, Великій Петръ?
 Средь суши Онъ и водныкъ нѣдръ
 Таковъ бываль врагамъ ужасень.
 Онъ былъ! — коль видъ Его прекрасень!

Здѣсь нѣкогда Екатерина
 Премудра спутница Сего
 Въ походахъ быспрыхъ исполина,
 Ему, для опчестива всего,
 Совѣшь полезный подавала,
 Геройско сердце умягчала:
 Теперь являши грозный видъ
 Екатерина намъ велишь.
 Пойдемъ, и кровью мечъ насыпимъ!
 Пойдемъ, и спраждущихъ защитимъ!

Бѣжишь разсвирѣѣвъ опъ глѣда
 Сквозь лѣсы левъ и дебръ на ловъ,
 Ворвясь въ средину робка спада
 Межь шучныхъ въ пажипи воловъ,
 Когпьми дерешъ, перзаешъ, давишь,
 Рыкая челюспи кровавишь;
 Во всѣ спраны крупя хребешъ
 Живоныхъ въ мѣлки часпи рвешъ;
 Всѣхъ алчешъ скрышь въ широкомъ зѣвѣ,
 И въ пощемъ заключиши чревѣ.

Съ подобной зѣльностью перзаешъ,
 Агарянь раздраженный Россъ.
 На чпо поборникъ не дерзаешъ,
 Когда высоко гнѣвъ возросъ?
 И како меспъ сдержаша яру,
 Коль сердца опвѣчаешъ жару
 Бедрѣ и мышца, грудь и длань?
 Нравъ Россовъ премѣняешъ брань.
 Тельцы и крошки агнцы въ домѣ:
 На полѣ лвы, иль Марсы въ громѣ.

Чшо полны слезь швои зѣницы
 О щаспьемъ упоенный царь?
 „Я паки близъ дверей пемницы,
 „Въ послѣдни солнце зрю и шварь.
 Чшо льещь, Паша, ты горки слезы?
 „Предвижу плѣнь, звучашь желѣзы.
 Чшо вѣчныхъ храмъ судьбъ опверсть?
 Чшо шамо пишешь Божій перспь?
 „Свершилась злоспъ, грядешь кончина.
 „Се мечь! карай Е к а т е р и н а .

Карай, исполни власпъ Господню,
 Губи чудовища земли,
 Низвергни злобу въ преисподню,
 И брань окованну зашли
 Туда, гдѣ аспиды грызущся,
 Гдѣ шитры люшые пасущся.
 Гдѣ нѣшь Борея, шамъ Зефирь;
 Гдѣ нѣшь Магмеда, шамо мирь.
 Твоя гдѣ обласпъ разширился,
 Тамъ судъ и милоспъ водворишся.

О коль Молдавія блаженна,
 Твои чпо въ Ясахъ знамена!
 Воззри, она побой плѣненна
 Не спонешъ, празднуешъ она!
 Герои смершныхъ ужасающъ,
 Твои плѣняя ихъ спасающъ.
 Ты скоро скоро побѣди,
 И Влахамъ радость шужь роди.
 Влеку ихъ въ плѣнь, да шоржествующъ;
 Порабощай, да всѣ ликующъ.

Уже къ Тебѣ усерднымъ духомъ
 Пылаешъ опдаленный Югъ,
 Добротъ Твоихъ плѣняя слухомъ
 Наполнившимъ весь свѣша кругъ.
 Я вижу, черны Еѳіопы
 Царицу хладныя Европы
 Хотя не видящъ, сердцемъ чпящъ,
 Воображенъемъ мысль шомящъ,
 Какъ шеспивуешъ, и какъ взираешъ
 Кошора Турковъ попираешъ!

Возри! несчастные народы,
 Гдѣ Пиндъ спойшь, Олимпъ, Парнасъ,
 Лишенные драгой свободы
 Къ Тебѣ возносящъ взоръ и гласъ:
 „О грозна варварахъ Паллада!
 „О душъ безчисленныхъ опрада!
 „И намъ на помощь ускори,
 „И насъ подъ скипетръ покори.
 „Пріяшны намъ Твои оковы;
 „Мы всѣ Тебѣ служимъ гошвы.

Спокойся днесъ геройско племя,
 И жди съ шепѣнемъ премѣнь.
 Пришесть вожделѣнно время;
 Вамъ, Греки, разрѣшится плѣнь.
 Вы духъ явили благодарный,
 Когда вамъ Римлянинъ коварный
 Свободу мниму дароваль:
 Ни пользы пребуя, ни хваль
 Вамъ лучшу дастъ Екатерина
 Покровъ скорбящихъ всѣхъ една.

Въ зарю побѣдъ одѣясь нову
Красуйтеся вои и вожди;
Какъ львы почійте послѣ лову;
Корысти многи вамъ впереди.
Опъ васъ къ намъ слава прелешаетъ;
Голицына главу вѣнчаетъ
Плѣнившая Молдавцовъ Машъ.
Герой! ты будешь въ вѣкъ блистать.
Ты съ нами: мы къ тебѣ взираемъ:
Трепещутъ Турки за Дунаемъ!

НА ПОБѢДУ
РОССІЙСКАГО ФЛОТА НАДЪ ТУ-
РЕЦКИМЪ.

1770.

О радость! поржество! о слава нашихъ дней
Безмрачныхъ съ красошой сравнишася лучей!
Полночны Тифисы, защитники Россіи
Лешяпъ среди валовъ! гремяци въ облакахъ
Перуны въ ихъ рукахъ;
Послушны имъ спихіи!

Преходяпъ морь спези, гдѣ кроется ихъ врагъ;
Очами ищущъ, гдѣ Турецкой вѣнеть флагъ.
Нашли, обрадуясь пустились, полешѣли!
Всѣхъ руки на ударъ просперны, внесены,
Всѣ гнѣвомъ разжены!
Поспили, загремѣли!

Я зрю плывущихъ Елнѣ побѣдоносный спрой,
 Какъ ихъ ведетъ морямъ незнаемый Герой!
 Ихъ парусы крыль, ихъ мачты лѣсъ дремучій!
 Вдругъ спуняшь, вдругъ блеснушь! вновь гря-
 нушь вновь грозяшь!

И идушь и разяшь

Какъ громомъ шаяжки лучи!

Иануарій шамь, и Свяшославъ лепишь,
 И вихремъ за собой и хлябъ и дымъ крушишь!
 И *) горнихъ именемъ поборниковъ зовомый,
 И Роспиславъ, и съ нимъ Европа межъ валовъ
 Пускаюшь на враговъ
 Безперерывны громы!

Евспаеій весь въ огнѣ, бросаеишь огнь и смершь,
 Крушишся, движенся, колебленъ поншь ишвердъ!
 Тамъ **) спрашная гора привязанна цѣлями,
 Какъ разродившійся Везувій воздухъ ревешъ,
 Не пресшая ревешъ,
 И борешся съ горами!

*) Корабль Трехъ Свяшителей.

**) Корабль Трехъ Иерарховъ, гдѣ находился флота
 Предводитиель.

Не молкнеть прескъ снастей, желѣзныхъ
 свиснь шаровъ ;
 Гуснишся дымъ сполбомъ всхода до облаковъ,
 Списненны межъ громадь въ громады волны плещушь !
 И вѣприль бѣлизна и дневныхъ свѣсь лучей
 Сокрылись опъ очей ;
 Одни перуны блещушь !

О опышь пятгоспной непрелешныхъ сердець !
 Ужасень взору бой, ужаснѣе конецъ.
 Тамъ двѣ крылашныя, двѣ грозныя махины
 Какъ Ешна съ Геклою, одна съ другой слешясь,
 Всея шажеспью сразясь,
 Вспылали средъ пучины !

Ихъ звукомъ поншь, берега, и воздухъ попрысень,
 И Грекъ и Туркъ вдаль содрогся ужасень ;
 Недвижимъ Россъ споишь, и смерпью смерпъ
 срѣшаешь !
 Ахъ горе, всѣмъ понупъ погибели въ рѣкъ !

Съ корыспью онъ въ рукѣ
 Со флагомъ оплещаетъ.

Лешипь . . . Смягчись Герой, судь Промысла
 правдивь ;

Твой брашъ, швой храбрый брашъ, и съ нимь
 Спиридовъ живь.

Не Делфинь на хребшъ, шо Небо ихъ спасаешъ,
 Копорое швой духъ и подвиги любя,
 Симь спрахомъ днесъ шебя
 Толь спрого искушаешъ.

Изчезла, какъ шумань, безвременна мечша ;
 Сяешъ полная побѣды красота.
 Тамь гласомъ радости, въ воспортѣ всѣ взываюшъ ;
 Объемлюшъ всѣ вождя и друга своего,
 Лобзая, зракъ его
 Слезами омываюшъ !

„Когда нашъ громъ, гласяшъ, не вовсе испо-
 щень,
 „И Небо насъ хранишъ ; Россъ будешъ опомщень.
 „Мы живы, сопоспашъ спорицею упранишъ ;
 „Мы живы, вновь должна воспрелешашъ земля ;
 „Онъ гибель корабля
 „Всемя флопомъ намъ заплашишъ .

Что тако озарень средь темной ночи поныть!
 Не Фебъ ли ускорилъ взлетѣть на горизонтъ?
 Нѣтъ; вѣжду! мстятъ врагамъ разнѣгаемые
 Россы!

Ихъ ещо, ихъ горятъ порожественны огни!

Секвана! встань, взгляни,

Какъ гибнутъ чалмоносцы!

Тамъ портъ вмѣстѣлице неизрѣченныхъ мукъ;
 Тамъ сѣра, огонь, смола, смрадь дыма, вопль и звукъ,
 Реветь разинувъ пасть рокъ челюсти несыпы,
 Геенна носится по хладной быспринѣ,

Мяшущаясь въ глубинѣ

Вспревоженные кипы;

Клокочешь, какъ кошель, вздымаясь океанъ,
 Багрѣешь аки кровь весь шрупами усплань!
 Ихъ жресть мушьясь волна, ихъ жресть свирѣбный
 пламень!

Восхиливъ сѣрный прахъ въ воздушную спрану,

Бросаетъ вдругъ ко дну,

Какъ олово, какъ камень!

О горьких сонмъ смертей! О грозный, лютой
 часъ!

Тамъ всё спихи вдругъ... Прерви свой муза гласъ,
 И страшный адъ, гдѣ швой и смерсныхъ врагъ
 спрадаешъ,

Скоряй завѣсою молчанія закрой;

Я вижду тамъ Герой

Опъ жалосни рыдаешъ!

Великій именемъ, великій дѣломъ Петръ
 Спустился съ высоты на низкосшь водныхъ нѣдръ;
 Возри на чудеса Твоимъ рожденны бошомъ!
 Какъ въ соблвенномъ Махмешъ приспанищѣ
 горипъ!

Надъ Росскимъ какъ парипъ

Трубяща слава флошомъ!

Непшуна Бельшу зрѣль Тебя Копенгагенъ;
 Теперь Твой грозной флагъ близъ Чесмскихъ
 вѣепъ спѣнь,
 Гошовипъ ужась неспъ на *) понъ нещасп-
 ной Геллы.

Со спрахомъ близкую внимающа напасъ

Ужь **) Смирна хочешъ пасъ;

Трясупся Дарданеллы!

*) Проливъ между Дарданеллами, нынѣ Галлиполь. Греки гавывали его Геллеспоншомъ по Геллѣ Аеама шовой дочери, ксиорая, по баснословію, пловучи на злато-ручномъ овнѣ въ семь мѣсѣтъ ушонула.

**) Смирна во время сраженія флошомъ шерпѣла землешрасеніе.

Крѣпнй, и громомъ ихъ, сколь можешь, Галль,
снабжай,

Себѣ и своему спудъ роду умножай,

Прапрадѣды швои въ непросвѣщенны лѣша

Въ слѣдъ *) Римлянина шли въ далекій юга край;

Ты днесъ воюешь вшай

На Россовъ за Махмета!

Но гдѣ невинность, шамъ споспѣшествво Небесъ;

Екатерина гдѣ, шамъ будешь перебѣсь.

Когда подпора царствъ монарши супъ доброты,

Намъ, намъ въ подсолнечной всѣхъ паче должно

цѣвствъ ;

Зависшна наша честь ;

Недвижимы оплоты.

Еще, орель, еще воздвигнись, воскрились ;

Не вѣешь ли гдѣ флагъ Турецкій, обозрись.

Чесмеской гаснешъ порнъ, да новой воскурипсь ;

Смущай пучину волнь въ пропивничей крови,

Тоши ихъ, жги и рвн,

Да злоба усмирипсь.

*) За Юліемъ Цесаремъ въ Александрію.

Судьбой восплавленъ ты оиъ смертнаго одра
 Для многихъ щасія, для общаго добра;
 Судьбой внезапно спалъ вождь флота непосыденъ,
 И безопасности чужой и нашей спражь :

О Римляне! намъ ващъ

Дуилій не завиденъ.

Мы сполбъ изъ мрамора воздвигнемъ къ небеси,
 Со водъ средьземныхъ ты корысти къ намъ неси,
 Приобрѣшенные близъ Хиоса профей;
 То будешь нашей знакъ побѣды межъ валовъ,
 То чешь шебъ, Орловъ
 Содѣйственикъ Аспрей!

О еспьли бы мой духъ, побой плѣненный духъ,
 Съ великосію твоихъ къ опечесиву заслугъ,
 Съ горячей рѣвносію души твоей сравнился;
 Ты въ новыхъ бы спихахъ Героемъ былъ моимъ,
 Со Гамой бы своимъ
 Камоемъ посрамилъ!

Подъ именемъ внесши къ невѣждамъ свой законъ,
 Съ избраннымъ воинствомъ, какъ дерзоспный
 Язонъ,
 Онъ шель злато руно въ чужей землѣ похитишь
 Попрясшаго законъ пы идешь попрясни,
 Опечесиво спаси,
 И Грецію защишишь.

Пускай; воспишь тебя я слабъ, не дерзновенъ:
 Но подвигъ швой во вѣкъ пребудеть незабвенъ.
 Героевъ смершныхъ родъ по долгу величаешь;
 Кто любитъ опечесиво, Монархиню, себя,
 Тотъ лаврами тебя
 Опсушшвенна вѣнчаешь.

Но ешлы обуздавъ неисповсиво врага,
 На вѣкъ сломивъ Луны горящейся рога,
 Со славой, Бельша пы пройденъ врапа широки;
 Кто слыша вашъ поѣздъ, и усмотри съ земли
 Россійской флагъ вдали,
 Удержишь слезъ попоки!

Я зрю текущій вамъ во срѣшенъе народъ,
 Опилгощенный нашъ корыстными юга флотъ;
 Тамъ дѣвы, юноши и спарцы поспѣшающъ!
 Тамъ дѣши веселясь и перспомъ возводя
 На храбраго вождя,
 У рождышихъ вопрошающъ.

„Не сей ли, что орломъ по безднѣ водъ лешаль,
 „Россійскіе огни въ Турецкой флотъ мешаль,
 „Багровиль синей понпъ кровъми иноплемѣнныхъ?
 „Не онъ ли именовъ и ревностью Орловъ,
 „Кичливыхъ бичъ враговъ,
 „И слава современныхъ?

„Онъ, онъ, являешъ шо и взоръ его и спанъ;
 „Онъ здѣсь, а шамъ еще дымишся океанъ!
 „Се брашъ его, что шекъ въ кровавы первой бои!
 „Се грозный Варварамъ, Спиридовъ, исполинъ!
 „Се Грейгъ, и съ нимъ Ильинъ,
 „Нешрепетны Герои!

Но что вѣщаю я мечпаній леспныхъ полнь?
 Орлы мои еще среди Азійскихъ волнь!
 Я мыслю одной на ихъ взираю слѣды
 Чрезъ горы, чрезъ моря, чрезъ шоки многихъ рѣкъ.
 О громкій бранью вѣкъ!
 Неслыханны побѣды!

И море и земля и высота небесъ
 Екатерининныхъ свидѣтели чудесъ.
 Балтійскихъ волнь брегамъ власнь Павлова
 не вмѣсна;
 Въ немъ чшишь Архипелагъ Непшуна своего;
 Наслѣдіе его
 Не Сѣверь, Поднебесна!

НА ПОБѢДЫ ВЪ МОРЕБЪ.

1770.

Возникла вновь краса всещедрыя природы;
Одушевленъ весной ефиръ, земля, и воды;
Лепишь изъ нѣдръ ея въ моря, въ жуга, зефиръ:
Но варваръ въ бѣшенствѣ еще своемъ крѣпится,
Свирѣпствуетъ и злится,
Еще смущаешь миръ.

Яресь бурливаго жесточе Аквилона,
Не слышишь подъ собой прясущагося прона,
Не зришь воздвигнурыхъ въ свою погибель волнь;
Евфратъ, и Ниль, и Тигръ на помощь призываешь,
И брани умышляешь,
Спуда и срама полнь!

Младый герой едва на брегъ спунилъ Мореи,
 Ужь въ сердцѣ шой воздвигъ Россійскіе профеи!
 Пишомецъ музъ и другъ въ плѣнь варваровъ
 влечеть!

Другой свой нудишь флосъ межъ волнь шумя-
 щихъ грозно,

И съшуешь, что позно
 За брапомъ въ слѣдъ шечешь.

„Ужь взяшь, днь мнишь, Модонь, Коринень
 предаспя вскорь,

„Аркадію плѣняшь; а я еще на морѣ.

Герой! не негодуй: швой жребій не приспѣль;

Тебѣ ошались Фессальскія *) долины,

Входъ черныя пучины,
 И ужасъ Дарданелль.

Но шы свершивъ сію, шы вновь начни осаду,
 Орловъ! опъ одного лепи къ другому граду;
 Скрывай нещасливыхъ, просшершыхъ криль въ
 шѣни,

Спасай и побѣждай: съ побою щипъ Минервы;

На брегъ спунилъ шы первый,

Ты островъ весь плѣни.

*) Греція за Исѣмомъ лежащая.

О коль нечаянна, коль дивна шамь премѣна!

Спаршане разпустивъ Россійскія знамена,
Разносятъ по всему Целопонису сѣрашь!
Въ участіе войны окрешныхъ созываютъ,
И слезы проливаютъ,
Съ оружіемъ въ рукахъ.

„Колико, вопіють, о небо, мы щасливы!
„Герои наши днесъ въ прибывшихъ Россахъ живы!
„Коль крошокъ оныхъ намъ, коль грозень Тур-
камъ видъ!
„Аргольцы, Навпляне, къ сраженію устройшесь,
„Коринѣяне не бойшесь;
„Во Спаршѣ Леонидъ!

Всѣ спали въ спрой, шекутъ, предводитишь
ихъ побѣда;
Бѣжишь изъ града въ градъ поклонникъ Магомеда.
Ужь спонешъ въ ихъ рукахъ окованный Ага;
Вскипѣли вдругъ сердца ошъ давнихъ лѣшъ унылы;
Сугубишь яросшь силы;
На часпи рвушь врага.

Жестокосердымъ бышь пренишь намъ долгъ
природы,

Но вамъ проспишельно несчастные народы
Спенавни всякой часъ, подь игомъ люшыхъ бѣдъ.
И можеть бышь васъ шажь природа воружаеть,
Чшо кропосеть въ насъ вдыхаеть;
Таковъ издавна свѣшь.

Но О наукъ опцы, порабощенны Греки!
Ушѣшьтесъ, паки вамъ злашы начнушся вѣки.
Доспигла и до васъ щасливая чреда.

Алфейски зрѣлица умолкнувши понынѣ
Вы въ чесшь Екатерины
Возставыше навсегда.

По нимъ свои *) лѣпа оняшь щинапъ начинше,
И имени Ея начало посвящисше;
Она за подвиги вамъ будеть мзду дарить.
Во храмѣ вольности, покоя, и опрады
Вы образъ сей Паллады
Вѣкъ должны жерпвой чпитьъ.

*) Греки счасляли лѣпа свои по Олимпіадамъ.

А Ты смиряюща неисповество пиранна
Законодавица побѣдами вѣнчанна,
Прими скрижаль, и судъ полудню возвѣспи;
Во область, гдѣ цвѣли Ликурги и Солоны,
Пошли свои законы;
Ихъ будущи вѣкъ чеспи.

Красуйся славою Россія вознесенна!
Изумѣваясь зришь на мощь пвою вселенна.
Не Вельшь единъ шебѣ и Каспій плапшишь дань;
Тебѣ средьземный поншь колѣна преклоняешъ;
Тя равно возвышаешъ
Подъ солнцемъ миръ и брань.

ЕГО СІЯТЕЛЪСТВУ ГРАФУ
ГРИГОРЬЮ ГРИГОРЬЕВИЧУ
О Р Л О В У.

Генваря 25 дня 1771.

Защитникъ строгаго Зиноваго закона,
О Споикъ посреди великолѣпнѣй прона!
Котораго душа со щаспїемъ равна,
И жизнь полезными для опчешсва шрудами,
И дѣль благихъ плодами,
Не пышноспью славна.

Сквозь гласы искреннихъ и ревностныхъ же-
ланій,
Сквозь пысяци къ шебѣ усердныхъ восклицаній
Возносишь нынѣ свой весела муза понь;
Та муза, что благой ущедрена судьбою,
Предспавлена шобою
Премудросши предъ шронь.

Заприте днесъ вашъ слухъ, пугливыя невѣжды,
 Которыхъ вѣчнымъ сномъ ошятощенны вѣжды:
 Съ Героемъ я въ сей день бесѣдовать хошу;
 Не розы, не луга, не красныя дубровы,

Я испинны суровы

Днесъ свѣшу возвѣщу.

Богатство, пышность, власнь, все съ нами
 умираеть,

Преходишь все какъ сонъ, все вѣчность пожи-
 раеть,

Рожденье смертныхъ ешь ко смерти первой
 шагъ;

Едина плѣню добра не причастна,

Едина не подвластна

Мгновенныхъ року благъ.

Уже Римъ древній палъ подобно слабой просни,
 Уже Капоновы во прахъ исплѣли косни,
 Сокращовъ неплъ давно въ ничто преобращень;
 Но добродѣтель ихъ понынѣ процвѣшаетъ,
 Какъ солнце къ намъ блискаетъ
 Изъ мрачности времени.

Опцы опечества, всего граждане свѣща,
 Великія сердца не мысливщи навѣща,
 Спокойные въ себѣ, спасительны другимъ
 Они для жилия примѣры показали,
 И смертныхъ обязали
 Сожигиємъ своимъ.

Топь извергъ еспешва, кто ближнихъ нена-
 видишь,
 Топь малъ, чшобъ честнымъ бышь, кто шолько
 не обидишь,
 По правдѣ чловѣкъ, кто всѣмъ благошворишь;
 Дыханія его немолчный еспь свидѣшель
 Споспѣшна добродѣшель;
 Онъ живъ колъ всѣхъ живишь.

Чшобъ бышь не одному, онъ многихъ созидаешь,
 Расшишь, содѣйствуешь, и жертвь не ожидаешь
 Безмездный щастія и радостей шворецъ,
 Живое божества предвѣчнаго зеркало,
 Чшо шуне все создало,
 Множайшихъ лучъ сердець.

Тѣ златомъ и серебромъ блискающа кумиры,
 Которымъ предспоаятъ вопще съ слезами сирь,
 Чпо шажку съ нижшихъ дань за свой взыску-
 юшь взоръ,
 И щедро лишь Сирень имъ льспящихъ награжда-
 юшь,
 Тѣ вѣкъ препровождаяюшь -
 Природы всей позоръ.

Или прямой конецъ имъ жизни не извѣстенъ,
 Съ высокимъ саномъ духъ Сократовъ не совмѣ-
 сшенъ,
 И должно причипашъ безпечность ихъ судьбѣ?
 Коль шакъ; почпожь шому, чпо въ гордыхъ не-
 навидимъ,
 Орловъ! почпо мы видимъ
 Противное въ шебѣ?

Ты шинлами почшенъ, и благосерденъ купно,
 Кпо чесшенъ, всѣмъ швое достоинство присту-
 пно,
 Другъ истинны, сердце цѣнишель, не породъ;
 Полна намѣреній для опчестива полезныхъ
 Душа швоя любезныхъ
 Хранилице добротъ.

Ты радость оныя чрезъ то усугубляешь,
 Что радости свои съ другими раздѣляешь,
 Для всѣхъ во обществѣ не для себя щасливъ;
 Подашель помощи и жизнью безнавѣрныхъ
 Во существахъ несчастливыхъ
 Не во единомъ живъ.

Течешь въ свой солнце путь природы внемля
 чину,
 Орловъ! пы въ свой щеки подобясь исполину;
 Начни, скончай, начни и паки соверши;
 Твой шрудъ всегда единъ и почести не новы,
 Вѣнцы швои лавровы
 Покой швоей души.

НА ПРИБЫТІЕ ГРАФА
АЛЕКСѢЯ ГРИГОРЬЕВИЧА
ОРЛОВА

ИЗЪ АРХИПЕЛАГА ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1771.

Теперь, О Муза, будь усердѣемъ громогласна!

Для мореходца пѣснь безъ вымысловъ прекрасна.

Не нужны для шого похвалъ швоихъ вѣнцы,

Который чешь другихъ народовъ восплаваешь

И Россю прославляешь,

Вселенныя въ концы.

Возри на члены въ немъ шпрудами укрѣпленны,

Всѣ подвиги на немъ еще напечатлѣнны!

Еще съ лица его пошь съ прахомъ не шершь,

И гнѣвомъ на враговъ исполненны зѣнцы!

Зри крѣпость шой десницы,

Чѣмъ рогъ прошивныхъ шершь!

О дѣли Марсовы, въ намѣреніяхъ пверды,
 Торкванты, Деци, къ опечеснзу усерды!
 Вашъ пылкій въ браняхъ духъ и слава насъ не
 льсшишь;

Опредѣленные побѣды намъ судьбою

Громчайшей ша трубою

Пошомкамъ возвѣсшишь.

Останки Перскихъ силъ гдѣ Греками разбины,
 Тамъ Россы лаврами безсмертными покрыны
 За Грековъ съ Муспафой кровавый бой вели;
 Разжженны ревностью, на все неуспрашими,

Орловымъ предводимы,

Турецки флоты жгли.

Оставиль онъ шеперь предѣль Архипелага,
 Но именемъ его наполненная влага
 Иноплеменничымъ ужасна кораблямъ,
 Имъ страхъ всякъ часъ гласишь: лишь шолько
 въ глубь вомчишь,

Лишь къ бою ополчишь,

То бышь другимъ мѣлямъ.

Чесмескія валы еще кровавы зряся
 И смраднымъ дымомъ ихъ приспанища курятся!
 Смошря въ знакомый понпъ съ высокой башни
 врагъ
 При шихомъ воздухѣ, опъ ужаса блѣднѣешь,
 Трясешся, цепенѣешь,
 Чшо Росскій видишь флагъ.

Окованъ спрахомъ Туркъ, желаній Мужъ,
 спокойся,
 Лишь двигнешся онъ въ брань, шы къ брани вновь
 усшройся,
 Георгій на шебѣ, пронзи копьемъ змія;
 Дерзай и направляй свои къ побѣдамъ перслы;
 Тебѣ врапа опверслы
 Въ подсолнечной края.

Восшавивъ Грецію, свой жарь вдохнувъ во груди
 Сорашникамъ своимъ, шы далѣ флаопъ понуди,
 Кругъ свѣсна обшеки, во благо все усшрой,
 Оковы разрѣши, гдѣ спраждушихъ обрящешь;
 Карай, гдѣ злоспъ усрящешь:
 То долгъ швой; шы Герой.

НА ЗАКЛЮЧЕНІЕ
СЪ
ОТТОМАНСКОЮ ПОРТОЮ
М И Р А.

1775.

Умолкъ на Югъ громъ Беллоны,
Почиль всеильный Россовъ мечъ,
Не слышны больше варваръ споны,
Преспаль Дунай ихъ кровью печь.
Сквозь ясношь пихаго еѣира,
Дары злапаго вскрылись мира;
Сверкаешъ въ нивахъ серпъ и плугъ;
Желтѣешъ виноградъ и класы,
Пасущихъ раздающя гласы:
Миръ долу, миръ! Туркъ Россу другъ!

Онъ другъ! по слѣдствіе боязни;
 Надеждъ его упала швердь.
 Онъ другъ! но что виной пріязни?
 Бѣда и ужась, адъ и смерть.
 Ужь скованъ Крымъ; Бендеры срышы,
 Печальной черноспією покрышы,
 Лежашъ, какъ въ пепель сожженный срубъ;
 Какъ посреди несчастнаго лѣса
 Пожранный молніей Зевеса
 Безъ листія и вѣтвий дубъ!

О Ангель, коему Россія
 И вся благоговѣеть тварь,
 Что гонишь изъ земли чужія
 И шѣшишь плачущу Агарь;
 Пускаеши въ ея границы
 Сперва огонь, днесъ блескъ зарницы,
 Чтось пушь ей шокмо освѣшишь;
 Могушь бореевъ во зефиры,
 Кровавы брани въ славны миры,
 И месшь въ щедрошу превращишь!

Когда, колико непорочна,
 По мѣрѣ сплжешь мощь и властьъ,
 Екатерина, Ты всемошна;
 Твоя все дѣяшь въ свѣшѣ часшь.
 Ты спрашна Машь гремящихъ спроевь;
 Ты духомъ ушь родишь Героевь;
 Какъ ихъ, шакъ Музь душею будь!
 Пролей мнѣ съ горняго престшала,
 О Божешшво земнаго дола!
 Пролей швой лучь въ усердну грудь.

Чшобъ пѣснь была Тебя достшйна,
 Богиня, Твой пошребень свѣльъ.
 Та лира и красна и спройна,
 Кшпора въ помощь Тя зовешъ.
 Чшя меня поддержишь сила?
 И гдѣ возьму паршши крила,
 Среди поющихъ Тя, шпенецъ?
 Ты музь начальспвуешь въ соборѣ,
 Ты Вождь во браняхъ, Кормчій въ морѣ,
 Всему начало и конецъ!

Но кое солнце мнѣ сіяеть,
 Гоня сгущень со мысли мракъ?
 Кшо духъ опрадой упоаешь,
 Живишь, какъ шиха ушра зракъ?
 Не шопъ ли, Кшо свѣшилъ невѣждамъ,
 Опьемни шягошу ихъ вѣждамъ;
 Да дастъ немудрымъ рая ключъ,
 Являлся въ огненныхъ языкахъ?
 Кропчайшія въ земныхъ владыкахъ
 Сіе Екатерины лучъ!

О лучъ возлюблень! лучъ прекрасень!

Мой чувствія органъ не лживъ;
 Коль шы пріяшень, шепль и ясень!
 Колико я шобою живъ!
 Чрезъ горы шы, моря и рѣки,
 Блиспаль ко мнѣ въ спраны далеки,
 Мой вождъ на сушѣ и межъ волнь,
 Все шихъ и равно свѣшозарень!
 Какъ я не буду благодарень?
 Я здѣсь; шы вяще ясень, полнь!

Ты правъ движенья мнѣ сердечны,
 И пѣснь Богинѣ мной греми;
 Какъ льюпся къ морю шоки рѣчны,
 Мои къ Ней мысли успреми.
 Да будешь слогъ безъ мечпъ прилога;
 Да будешь Та душею слога
 Красна безъ вымысла прикрасъ?
 Пльнитъ скоряе слухи шонки,
 И Леры заглушаепъ звонки
 Усердьемъ возвыщенный гласъ.

Я чувспвую власпъ новой Музы!
 Сильнѣйша грому и огня
 Любовь, чѣмъ шверды міра 'узы,
 Возпламеняепъ днесъ меня;
 И нову мнѣ вливая душу,
 Велипъ парипъ, оспавя сушу,
 Ко вышшимъ, нежелъ Пиндъ, горама;
 Велипъ, да сердца спрахъ оприну,
 Чпобъ созерцапъ ЕКАТЕРИНУ,
 Судьбы опверзпъ мнѣ кажепъ храмъ.

Съ высотъ нерукопворна Трона,
 Кой шверже Адаманпскихъ горъ,
 Та мечепъ, вѣчности изъ лона,
 Единъ на всѣ вдругъ міры взоръ.
 Не значашъ спаростъ въ Ней сѣдины;
 Весь вѣкъ предъ Ней, какъ мигъ единый;
 Какъ почка, цѣла связь слыхій:
 Предъ Нею таинства разгнушы;
 Стояшъ со шрепетомъ минушы
 Между швореній всѣхъ бышій.

Зовомая со шара дольна
 Опъ жаждущихъ Ее сердцеъ,
 Сѣдинъ съ Ней Мудростъ сопреспольна;
 Вокругъ чела Ея вѣнецъ
 Первосозданнымъ блещепъ свѣшомъ;
 Заръ хипонъ, и поясъ цвѣшомъ
 Дугъ подобевъ въ облакахъ;
 Порфира вѣчну дню безъ ночи;
 Какъ звѣзды бдя не дремяшъ очи;
 Законъ движенія въ рукахъ.

Познаній бездна Ей ошкрыта;
 Всѣ вдругъ зришь слѣдства внупръ причинъ;
 Какъ Херувимъ, многоочиша,
 Во безпорядкѣ видишь чинъ.
 Тамъ въ ризахъ Истинна неплѣнныхъ
 И паче снѣга убѣленныхъ,
 Полна природныя красы;
 Росой Небесной умовенна;
 Глава Ея не покровенна;
 Не умащенные власы;

И зракъ поль свѣтель и пріятень,
 Какъ полная Луна безъ пучъ,
 Какъ Солнце упренне безъ пяпень,
 Чшо мечеть въ миръ весенній лучъ.
 Съдя Богинь бесѣдъ внемлеть;
 Глаголы ихъ перомъ преемлеть;
 И начертанія свои
 Безсмершья кроеть во ковчегу;
 Доколь планешны даяся бѣги,
 Ея сохранны харшии.

Въ нихъ жизнь описана, геройства,
 И предержащихъ смерть власпей;
 Восходы, крѣпость, неустройства,
 И въ прахъ рушенья обласпей.
 Тупъ мреть Ассуръ подь гнѣвомъ Кира!
 Тамъ Персовъ Александръ сѣкира!
 Здѣсь Римъ гошовишь свѣтъ прошечь
 Кровава быспрошой поппона;
 По немъ, кпобъ ждалъ? въ шужь мочь Европа
 Спѣшишь Царей своихъ облечь.

Обилуя предтечь въ примѣрахъ
 На Римъ возводяшь очеса,
 И въ малыхъ заключенны сферахъ,
 Творяшь велики чудеса;
 Огней искусствомъ Промешей,
 Премѣной лицъ и думъ Прошеи;
 Сердечь и счастья ловцы;
 Предоспорожны, шерпѣливы,
 Неушомимы, прозорливы,
 Какъ куплю дѣючи пловцы.

Колико спрото испышуютъ
 Ко преможенью всякій пушь!
 И како время искупуютъ,
 Запѣмъ что дни лукави сушь!
 Вездѣ на мочь желѣзны крѣпи;
 Текла бы въ бой, но держашъ цѣпи.
 Такъ часно ярь и бурень конь
 Въ бѣгъ равными зовомъ мѣспами,
 Стоишь возпягнушый броздами,
 И паромъ кажешъ внушрь огонь.

Но сила маши дерзновеній
 Боязнью скована всегдаль?
 Прешаешь ли спрахи прешкновеній
 Ей бурей спремишься вдаль?
 Что не одинъ богъ мнимый міра,
 Скудѣльна въ образѣ кумира,
 Паль прежде, нежели въ храмъ внесень,
 И зависшь, бѣшенство и злоба
 Насильна не избѣгли гроба;
 Порокъ пѣмъ возсель ужасень?

Увы! еще природа спраждеть,
 Знашь мыслей свѣтъ въ Европѣ малъ?
 Словесный дружней крови жаждеть!
 Знашь звѣря въ люпость онъ низпаль?
 Какъ до планеть и круга звѣзна
 Носилась мрачна нѣка бездна,
 Несстройствомъ пягопѣвша смѣсь;
 Одна боролась вещь съ другою;
 Такъ мы борючись межъ собою,
 Знашь держимся во шъмѣ поднесъ?

. Науку пишины воздвигли!
 Чшожь ша насъ рѣеть въ брань сама?
 Знашь спрол ону не доспигли
 Во средопочіе ума?
 Малѣйна пѣнь опасныхъ слѣдспвій
 Родишь прямыхъ испочникъ бѣдспвій,
 И капля буйства, море слезъ!
 Какъ будущъ скипшры равновѣсны,
 Коль шьмы міровъ насильспву пѣсны,
 Когда во нравахъ недовѣсъ?

Такъ нужно искрамя злобы шлпшься,
 Коваши козни и мечи;
 Рѣкой кровямъ невиннымъ липшься,
 Всему, какъ нудимо, печи;
 Дышашь неправой нужно меспью,
 Корыспи жерпвовашп чеспью,
 Законъ вмѣняши за плеву!
 Полудню нужно прашься съ Нордомъ,
 Врага зрѣшь Россу въ Туркѣ гордомъ,
 Секванѣ злишься на Неву!

Осуешилась помышленьми,
 Вѣщаюшь гибель ихъ успа;
 Припворсшвъ нелѣпныхъ кажущь шѣньми,
 Чшо ихъ доброша не чиспа.
 Коль крапъ невинность ни успѣшна;
 Рыдаешъ зависть безушѣшна:
 Не пошъ ей нужень свѣша шокъ.
 Такъ солнце зрѣлишь злаки польны;
 Но шаши онымъ не довольны:
 Чшо освѣщаешъ ихъ порокъ.

Почто сей воинъ безопраденъ?

Другой возникнуль въ свѣпль Герой;
 Такъ блескъ чужой ему досаденъ;
 По немъ онъ долженъ спашь вшорой.
 Онъ былъ какъ кедръ высокъ дополѣ,
 Теперь онъ проспль швореній въ полѣ;
 Не красенъ скипшрь, и шапокъ пронь.
 Другія солнцы просіяли;
 Коль всѣбъ Монархи обуяли,
 Межъ нихъ онъ былъ бы Соломонь.

Теки на поле брани слезно,
 Скоряй громъ громомъ упреждай;
 И за опечесство любезно
 Сражайся, мри, иль побѣждай.
 Но гдѣ сомнишельна побѣда,
 Тушь сильнаго смуши сосѣда,
 Въ кровавой шонешь пуспль рѣкѣ.
 Сколь бой ни жарокъ и ужасень,
 Чужимъ урономъ безопасень,
 Ты спой, и шѣшься вдалекѣ.

Взаимнымъ межъ спихій упоромъ
 Всемирный держипся соспавъ;
 Спокойсво бранью, вольность споромъ,
 Крѣпипся силой свяпость правъ.
 Сласпямъ здѣсь гореспъ соразмѣрна;
 Прекрасна роза не безъ шерна.
 Еспъ громъ, прясенія земли;
 У шигровъ зубы, когти, прыпость,
 Имъ должно полнипъ чревъ несыпость;
 Кпо дышешъ въ свѣпѣ, не дремли?

Такъ спражъ, шакъ око мнипъ Царево,
 Чпо правипъ сердце въ немъ и умъ;
 Чпо, яко вкрутъ плодами древо,
 Опягощень шьмой новыхъ думъ.
 Угрюмъ, уединень, безсловень,
 И какъ волшебникъ баснословень
 Сидипъ съ орудьми въ шерему;
 Лишь шайной коснешся пружинѣ,
 Въ другомъ шекупъ всѣ швари чинѣ;
 Взгляни, Европа вся въ дыму!

Ужь въ мысляхъ Лабиринѣхъ поспроилъ,
 Куда чудовищъ запирашь;
 Ужь всей вселенной Волхвъ освоилъ,
 Коль ихъ возможешь покарашь.
 Цвѣтущіе подь солнцемъ Россы
 Давно въ очахъ его колоссы;
 Ихъ должно сжати въ общій роспъ.
 Падуть безъ дружія заспупы;
 Чужи въ поля кровавыхъ шрупы
 Прекрасенъ Галлу въ рай помоспъ.

Приникнувъ на пространство суши,
 Порфиръ во блескъ на Царей,
 На хипрѣхъ ихъ кормчихъ души,
 Что блещутъ разума зарей,
 И перспъ простря своей десницы
 На Росски абіе границы,
 Глаголетъ къ Мудросни Судьба:
 „Низри, какъ ищутъ дола Князи,
 „Спашь равны во всеобщей связи;
 „Коль сила мыслей ихъ слаба!

„Спремясь ко участи блаженной
 „Назначили, какъ царствамъ цвѣснь;
 „Россіи какъ изнеможенной
 „Не дашь главы своей возвеснь.
 „Споjali спо умовъ на спражѣ,
 „Да шьма надъ ней гуспишся шаже,
 „Что смежныхъ ей объемлеть ордѣ;
 „Да брань ее мяшеть жестюка,
 „Въ Европу да не возьмешь вшока
 „Подвласный ей широқій Нордѣ.

Се, како совѣщали царства;
 „Когда воспаль Великій Пятръ;
 „Внезапу ихъ разпоргъ коварства,
 „Какъ паушину сильный вѣшрѣ,
 „Души въ немъ молнія блеснула,
 „И всю вселенну ужаснула;
 „Лишь шокмо крила разшириль,
 „Сокрылся изъ Европы ока,
 „До солнца возлешѣль висока;
 „Спусхьясь Россію озариль.

„Смутились дола Херувимы,
 „Что не даль обзрѣшься имъ;
 „На пысящи крылахъ носимый
 „Явился новый Херувимъ
 „Съ множайшими, какъ шѣ, очами!
 „Съ чиспѣйшими ума лучами!
 „Подобно горню духу Онъ
 „Проникъ во связь вещей далече,
 „Въ права и въ сердце челоѣче,
 „Въ Монаршій долгъ, и въ Нашъ законъ.

„О како Зависпъ скрежешала,
 „И Ковъ какъ рвался разъяренъ!
 „Та всюду блескъ Петровъ срѣшала;
 „Сей былъ Имъ всюду предваренъ,
 „То зляся челюспьми зіяли;
 „То оба изумясь спояли,
 „По чпо полькрашенъ прудъ шщеша!
 „Та новымъ ядомъ ядъ умножишь;
 „Сей вдругъ Петра сѣпшми обложишь;
 „Онъ цѣль, и праздны шенеша!

- „Тогда Премудри вопрошали,
 „Кпо дивный Сей пришелець въ свѣшъ?
 „Бышь Ангеломъ Ему мѣшали
 „Едина площь и крашосшь лѣшъ.
 „Онъ созданъ Мною изъ общей перспи,
 „Европѣ очи чшобъ опверспи,
 „Коль ограниченъ смыслъ ея.
 „Я Имъ злыхъ разумъ поспыдила;
 „Премудросшь! Ты Его водила,
 „Съ высошь къ Нему Твой свѣшъ лѣя.
- „Теперь Сама съ небесъ Ты сниди,
 „И проновъ изуми спражей;
 „Навѣшны на Россію види,
 „И къ посрамленію мужей
 „Жены во образъ облекися,
 „Екатериной нарекися,
 „И сяди на Петровъ прешоль.
 „Всемирной Мы верховносшь власши
 „Раздѣлимъ по себѣ на часши;
 „Моя превыспрення, Твой доль.

„Дѣла Петромъ не довершенны
 „Екатериной соверши;
 „Исправи нравы поврежденны,
 „Законъ имъ ясенъ напиши.
 „Провозвѣспи проспанну міру,
 „Что опчешво Россія сиру.
 „Проспри обьяшя Твои,
 „Да подь чужимъ рожденны небомъ,
 „Призрѣнные насущнымъ хлѣбомъ,
 „Лешяшъ къ Тебѣ, какъ пчель рои.

„Ошверзи въ жизнь младенцамъ двери,
 „Что гоняшъ въ гробъ родившихъ спудъ:
 „Науки, какъ Царевы дщери,
 „Да щедростью Твоей цвѣшущъ.
 „Да будушъ нивы многокласны;
 „Древа плодами паче красны,
 „Какъ славой ихъ порфирь Цари.
 „Коль швердъ неспрѣшъ въ ночь звѣздами,
 „Толь Росскими моря судами,
 „Толь всѣ озера упестри.

„Во мирѣ буди Ангель пише;
 „Но ешьли двитнуся врази,
 „Тѣмъ громомъ, чюю я мещу слыше,
 „Въ пресшупно сердце ихъ рази.
 „Кшо Ты, ударовъ спрашныхъ шрескомъ,
 „И молній непрерывнымъ блескомъ,
 „Яви умыщленникамъ зла!
 „Наполни землю чудесами,
 „И шу содѣлай небесами,
 „Ошкуду къ Россамъ Ты низшла.

„А пы, О Испинна, нешлѣнной
 „Возьми днесъ свипокъ, шросшь, печашь;
 „Премудросши одушевленной
 „Ты повѣсшь долженспвуешь шкашь.
 „Кошора скипешрамя наука,
 „Хваль ищущимъ правдивыхъ звука;
 „И созиданіе сердець;
 „Чесшь будешъ Росскаго народа,
 „Упѣха челоуѣча рода,
 „Великихъ въ свѣшѣ дѣль вѣнець.

Рекла, и помаавъ тлавою,
 Поколебала швердь небесь;
 И шварью абіе земною
 Узрѣнно сбѣшіе словесь!
 Все, что ни изрекла Судьбина,
 Исполнила Екатерина;
 Конечно Мудрость ша Она?
 Она! Судьбой обѣшованна,
 И днесь Россіи дарованна;
 О вождельныи времена!

Вокругъ Ея благи совѣшы,
 Какъ Души пламенны, спояшъ;
 Въ подножіи Ея навѣшы
 Обезоруженны лежашъ.
 Небесныхъ молніей шаланшовъ
 Разишъ продерзосшыхъ Гиганшовъ
 Опъ першъ не испражняи просшъ,
 Въ шуму оружій, судъ намъ пишешъ;
 Любвию ко миру дышешъ,
 И шокмо рушишъ міра злосшъ.

По почному закону ходишь
 На небѣ ясный вождь планеть;
 Екатерина гдѣ предводишь,
 Слѣпому року мѣста нѣшь.
 Гдѣ смершнихъ умъ изнемогаешь,
 Она удобно поспигаешь,
 Причинь союзы, благо, зло,
 Начала, средспва, шокъ, спенени,
 Прямые виды дѣйспвъ и шѣни,
 Всего вѣсь, мѣру и число.

Не блескъ вѣнца или порфиры,
 Что пышны носяшь Короли,
 Ее другіе харакпиры
 Личашъ отъ смершнихъ на земли.
 Сколь выше подданныхъ Владыка,
 Она въ владыкахъ шоль велика;
 Превышша дольныхъ еспеспва;
 И власпью небесамъ подобна,
 И такожь, какъ онѣ беззлобна;
 Всесильна образъ Божеспва!

Премудрость проны украшаетъ
 Себѣ, своимъ, союзнымъ щипъ;
 Укрышься буйству пронь мѣшаетъ,
 И скипетръ дань его пятчатъ.
 Тиранны не Цари, Ехидны;
 Въ Царяхъ пороки свѣшу видны.
 Звѣзда перелетя межъ звѣздъ;
 Зашмѣнье солнца всѣмъ примѣтно.
 То создано блиспань всесвѣпно,
 И съ низкихъ дола зримо мѣспъ.

Екатерина лѣпость прона,
 Краса державѣ Оной дань;
 Порфира, Скипетръ, и Корона
 Ничто, какъ Ей лишь должна дань.
 За шѣмъ всѣхъ выше вознесенна,
 Чпобъ въ образѣ луча весенна
 Блиспань на всяко вещество.
 Тмишь солнце иногда планета;
 Непомерцающаго свѣта
 Она подъ солнцемъ существо!

Когда бы Галль даровъ не видѣлъ
 Въ душѣ, Монархия, Твоей;
 Онъ счастыюбъ Россовъ не завидѣлъ,
 И не воздвигъ бы брани сей.
 Онъ пѣмъ насъ къ року мнилъ приблизить,
 Твое достоинство унизить.
 Но Ты, какъ злопо по огнѣ.
 Сіяла прежде возвышенна;
 Днесъ злобой смертныхъ искушенна,
 Сіяешь вяще по войнѣ,

Всегда во небѣ распросперномъ
 Милый по шухахъ намъ лазурь;
 По варварѣ Твой образъ сперномъ
 Возникъ, какъ солнце послѣ бурь;
 Во блескѣ зришся увеличенъ,
 Хопя ни мало не опличенъ,
 Опъ онаго, что прежде былъ.
 Дабы составишь спрашны громы,
 Необходимостью влекомый
 Себя онъ въ грозны шучи скрылъ.

Въ немъ блескъ чрезъ пучи не упрачень;
 Чшо пако въ мысляхъ нашихъ Онъ
 Воображаешся примрачень,
 То значишь славу, не уронъ.
 Та кисль, чшо съ свѣшомъ пѣнь мѣшаешъ,
 Сіянье свѣша возвышаешъ.
 Во мирны Ты блиспала дни;
 Орла паряща надъ Тобою,
 Съ рогашою въ когшягъ луною,
 Днесъ краше блещещи въ пѣни.

Исполнь сіяній неприспунныхъ,
 Творишь на небѣ поже Богъ;
 Опъ ликовъ Ангель совокупныхъ
 Чшобъ созѣрцаемъ быши могъ,
 Съдишь приосѣнень во мракѣ;
 Сквозь мракъ въ его Богъ видѣнь зракъ.
 Не прапя прежней красопы,
 Сквозь брани мглу, коль намъ прекрасна,
 Врагамъ коль зришися ужасна,
 Коль всѣмъ величешвенна Ты!

ЕГО СІЯТЕЛЬНОМУ,
КНЯЗЮ
ГРИГОРЬЮ АЛЕКСАНДРОВИЧУ
ПОТЕМКИНУ.

1775.

Проснись злата, проснись Лира!

Ужь пвой высоко Фебъ воспекъ;
Уже возчувствованъ опъ міра
Прекрасный имъ рожденный вѣкъ.
Взгляни, какъ въ плодъ одѣлись лозы
И развернулись нѣжны розы
Содѣйство Феба ощуця!
Какъ блестя нивы онъ злата!
Цвѣшущъ, ухающъ рощи златы;
Шумящъ, журчащъ ключи прозрачны;
Не спрашенъ флорѣ вихрь, ни мгла, ни градъ;
Фебъ вождь красотъ; Фебъ сильный Царь ошрадъ;
Кто щасны смертныхъ спроищъ,
Того, О Лира, пѣшь достоищъ;
Греми его хвалы!

Еоловы распоргнувъ цѣпи,
 Изъ мрачныхъ вырвась Нощь укрѣпъ,
 Лепишь во Африкански степи
 Ревущъ, нагль, бурень и свирѣпъ.
 Вознявъ бугры съчепъ буграми,
 И долы дѣлаешъ горами!
 Заспигнушимъ песокъ шамъ гробъ;
 Кипишь пучина, какъ конобъ.
 Скрышь ясенъ смертныхъ пушеводецъ;
 Въ шымѣ всадникъ, пѣшь, и мореходецъ!
 Съ горы нависшей бровью надъ водой,
 За полспый дубъ схвапся Афръ рукой,
 Зришь въ море полумершвой,
 Дрожа, чпобъ волнь не быши жершвой;
 Чпобъ съ дубомъ въ поншь не пасшь.

Тамъ собраны въ одно смершей возможныхъ
 виды,
 Рушишели судовъ, шамъ грозные валы
 Сшибаясь скачущъ, имъ налегшей выше мглы;
 Валящимся горама подобень прескъ упадомъ,
 Ошвершьемъ пропасти раждающъ равны съ
 адомъ;

Корабль межъ нихъ щепя, пловцы, какъ муравьи,
 Что всеу, ползая, спасающъ дни свои,
 По что осшавими опечесшвенны гнѣзда,
 Сребролюбиваго клянущъ злой часъ поѣзда.

Распаявъ въ дождь, падешъ обрушашъ швердь
 небесь ;

Гремишь, сквозь чорнось шумъ сверкающій
 Зевесь.

Возвержены со дна песковъ клубящся груды ;
 Обуреваясь морскія спонущъ чуды.

Изъ края мечешъ въ край шумъ кипа океанъ ;
 Тамъ помень, движенъ свой хребешъ, Левіаѳанъ.
 Орель пшеницовъ въ гнѣздѣ, жмя, кроешъ подъ
 крылами,

Ловець въ лѣсу прилежъ съ калчаномъ и стрѣлами ;
 Со страхомъ въ свой вершешъ и левъ и шигръ
 бѣжишь ;

Трецащъ древа дубравъ, и холмъ и дебрь дрожишь.
 Упоренъ вѣшрь налегъ иль сушу въ море сдвинушь,
 Иль море съ чудами на сушу вдругъ изринушь.
 О ужась ! О напасшь ! О люшая бѣда !

Война подобна люшой бурѣ,
 И вихрю оныя шворецъ,
 Что все колеблешъ во нашурѣ,

Насильный крошости борець.
 Исполнясь мечпъ уму несродныхъ
 Течешъ пожраши земнородныхъ;
 Надмень оградой крѣпкихъ лапъ,
 Шумливъ, и бѣшенспвомъ крылапъ.
 Въ упоръ ему какая встрѣча?
 Неробка грудь и спрашна сѣча!
 Со бомбой бомба, шамо съ громомъ громъ,
 Ядро, ужжа, сшибаетея съ ядромъ.
 Сопрясь двѣ грозны шучи
 Пускаюпъ молнии лешучи;
 Соспонецъ имъ вся шварь!

Покою кшо споспѣшесшвуенъ,
 Топъ миль живущимъ, какъ Зефиръ;
 Безъ лапъ онъ громко шоржесшвуенъ,
 Ему плешепъ самъ лавры миръ.
 Возспановишель красна чина
 Онъ многимъ радоспей причина.
 Не малъ въ войнѣ власнишель рокъ,
 Въ шомъ шрудъ; его загнуши шокъ.

Не рѣдко внѣшнія помѣхи
 Крапяшь Ганнибаловъ уснѣхи.
 Безъ вѣтриль кораблю какъ въ морѣ плышь,
 Орлу, коль связаны крылѣ, парить?
 Что въ спройности машины,
 Когда безъ дѣйствія пружины
 Подъ першомъ рока сляшь?

Отдавъ орлу крылѣ, низвергнувъ *) Имармену,
 Коль многихъ ны сердца, Пошемкинъ, обязаль!
 Ты обществу своимъ примѣромъ показаль,
 Что истинный Герой безъ зависти родинскя,
 И качествомъ своимъ во другѣ веселишся;
 Сквозь вражью искушень не разъ просѣчей рапъ,
 И искушаемымъ умѣешь помогашь.
 Велико здраваго достоинство совѣна!
 Безъ солнца что былабъ сія громада свѣна?
 Ты шѣмъ лучемъ, шебѣ что съ неба низносланъ,
 Вдругъ брани мглу разсѣкъ, какъ молнія шуманъ!
 Ниже покояся средѣ мирныхъ въ градѣ плесковъ

*) Рокъ.

Духъ носиши всякъ часъ военныхъ полонъ пре-
сковъ ;

Смапряешь самъ мѣчей спроеіе и бронь ,
Коль всадникъ храбрь, подъ нимъ коль бодръ въ
уборѣ конь !

Такъ кормчій своя душа не успокоишь ,
И въ ясны дни оплошь прошиву бури спроеишь .
Предоспорожносью жизньъ въ общесхвахъ крѣ-
пка ;

Боишся мудроси насильспвенна рука .
Минушу каждую пы времени злашаго
Согражданамъ швоимъ упошреби во благо .
Пошемкинъ ! случай естъ безцѣнный даръ судьбы .

Какъ сводъ небесъ яснѣеть синей,
Но немъ звѣздъ бездна расплана ;
Древа блестящъ кудрявишь иней,
И свѣпишь полная луна ;
Далече выспрѣль раздаешся,
И дымъ, какъ облакъ, къ верьху вьешся ;
Хребтомъ усплавшись ляжешъ снѣгъ ;
Коль пушнику шупъ красень бѣгъ !
Но ешъли время сномъ упраишь,
Онъ дорого за сонъ свой плаишь .

Не рѣдко вихрь, вдругъ ужась шучь наславъ,
 Бугры снѣговъ бросаешь нань спремглавъ,
 И крадешь пушь изъ виду;
 Вопще онъ кроется въ хламиду;
 Не спушишь конь подь нимъ.

Обычно въ свѣшѣ семь ненастье;
 Судьба намъ дмишься не велишь;
 Другимъ содѣянное щасье
 Одно насъ въ жизни веселишь.
 Ославъ швой полкъ, Героевъ племя,
 И вниди мыслию на время
 Во храмъ, чпо зиждешь пы, наукъ,
 Хвалы швоей гдѣ слышенъ звукъ;
 Ключей и шѣней шамъ прохлада
 Неиспинналь шебѣ опрада?
 Тамъ Пиндъ, Парнасъ, Тессальскихъ шоки рѣкъ;
 Тамъ Римлянинъ бесѣдуешь и Грекъ.
 Поюшь немолчно Музы!
 Ихъ гласъ, сердца плѣнящи узы!
 Ты шамо Аполлонъ!

Будь духъ швой выше шипль, будь разумъ спра-
шенъ лесши,

Усна швой органъ священныхъ сердцу правъ;

Средь мутныхъ душъ блюди неповрежденъ швой
нравъ.

Сквозь сонмъ озерныхъ водъ шекуца шако Рона

Не шерпишь въ цвѣшѣ спруй малѣйшаго урона;

Пошемкинъ! завсегда подобень будь себѣ.

ЕГО СІЯТЕЛЬНОМУ ГРАФУ
ПЕТРУ АЛЕКСАНДРОВИЧУ
РУМЯНЦОВУ
ЗАДУНАЙСКОМУ.

1775.

Герою Муза будь послушна,
Не медля въ звонку желвь ударь;
Твой глась проспранства царь воздушна,
Сердечныхъ глась движеній царь.
О ошрасль красная Лапоны,
Чпо спройшь слухъ плѣнящи поны;
Твой Арфа, швой Киеара дарь,
Лаврова вѣшвъ швой Дафна жарь;
Подъ Росскимъ небомъ дышешъ воинь,
Всеродныхъ почешей доспоинь;
Онъ имя, Туркамъ громь, имь вѣспныхъ ужась
грозь,

Заемлешь ошь вари румяной, иль ошь розь;
 Онъ роза намъ, Онъ шернь Махмету;
 Онъ какъ Заря извѣспень свѣшу;
 Ты самъ Его вѣнчай!

Гдѣ льясь, шумянь спруи Днѣпровы,
 Едемъ злапочешуйныхъ рыбъ;
 Убѣжища звѣрей, дубровы
 Цвѣштушь, среди взоранныхъ глыбъ:
 Какъ Ангель горь и рѣкъ хранишель,
 Тушь крылся Колберга пѣснишель,
 Спругушь не дремля свой округъ,
 Ко щаспью смерпнымъ Вождь, и другъ.
 Во знаньи разумъ плодоносень,
 И сообщашь свой свѣпль не косень;
 Коль непрерывень шокъ хранима имъ Днѣвира,
 Толь вѣчень окреспь лиль испочникъ Онъ добра;
 Всѣмъ нрава пихоспю равень,
 И болѣе щедршой явень,
 Какъ сана высокошй.

Веселости Его священице Минервы,
 И книга еспешива, премудрый кою чтесть,
 Кошораго ни чешь, ни завись не мяшеть.
 Какъ души Онъ селянь, шакъ села прераждаешь:
 Здѣсь бишь велишь ключамъ, шунь роци насаж-
 даешь,
 Безчисленнымъ семьямъ судъ пишуць граждань,
 Домоспроишель вдругъ, Герой и селянинь.
 Такъ древле Цинцианъ нивъ собственныхъ
 орашай
 На бранномъ полѣ былъ неуспрашимый рашай.
 Но вершоградарь нашъ ешь рѣдкій даръ небесь,
 Онъ свѣдѣишемъ Уликсъ, геройствомъ Ахиллесъ,
 Могуць своимъ умомъ согражданъ вразумиши
 Защишишь ихъ рукой, и сильныхъ рогъ сломиши.
 Ловишва днесъ его вепрь, заяць и елень;
 Ушѣха вся древесъ, садишь копоры, пѣнь;
 Во жишельснвѣ собой даешь примѣръ изрядснва,
 И какъ Опець среди обильна домочадснва
 Всѣхъ равно любишь, всѣхъ объемлешь, какъ
 дѣшей,
 И кажешь штысячи къ блаженству имъ пушей,

„Не незаконнуйше; шо Небо запрещаешъ;
 „Оно караешъ злыхъ, мзду правымъ обещаешъ,
 „И множишь жина ихъ, и чада, и лѣта.

Онъ судъ имъ шако возвѣщаешъ,
 Среди избытка ихъ пошребъ;
 Немудрыхъ шако просвѣщаешъ,
 Себѣ врученной сферы Фѣбъ:
 Какъ спрашна буря вдругъ дохнула,
 И брани молніей блеснула,
 Съ полдневной въ пихій Нордъ спраны;
 Султанъ облекся въ громъ войны,
 Доспигнушь Кіева въ надежду;
 Гордыня дмишь и Галль невѣжду.
 Коль много во древни дни шекъ въ южны Готъ
 край,
 Толики Муспафа во Сѣверь шлепъ рои;
 То рапъ вселенной равноспорна,
 То пругъ голодныхъ шуча чорна,
 То люшыхъ Фурій пьма!

Ногами бурный конь попочешь,
 Зовущу къ бѣгу внявъ шрубу,
 Рвучись опяшь опивѣдашь хочешь
 Знакома подвига судьбу;
 Вознявъ главу, пропягши выю,
 Въ воздушну ржанье шлепъ спихію;
 Пущаясь несешся, какъ Борей,
 Ля дымъ и пламень изъ ноздрей;
 Спрѣмъ подобень успѣваешь,
 И вѣперъ гриву возвѣваешь;
 Все бодръ и смѣль и быспрь, хощь пѣною ко-
 крышь,
 Спреминися вдаль; дрожишь опъ звонкихъ долъ
 коньшиъ.
 И се ужъ поприще кончаешь;
 Спяжавца плесками вѣнчаешь
 Побѣдоносень самъ!

Такъ бодрый спражъ Днѣпра, внявъ Марсовъ
 гласъ, воздвигся;

Кипишь въ его груди геройска гнѣвомъ кровь,
 Кипишь, напрягшися, Опшечесива любовь.

„Коль не по нашему сей свѣпъ течепъ желанью,

„И должно спавишь грудь, и брань свергани

бранью :

„Такъ поидемъ поражапъ, и намъ Богъ спрѣлъ

знакомъ.

„Подвигнемся, и свой въ напушье возьмемъ громъ.

То рекши, молніи лепѣлъ въ поля скорѣя.

И перваго заспитъ, корыспъ мечу, Гирея,

Звиздяща со спремнипъ, средь скаповъ и окопъ;

Несепъ прошивъ него Геройскихъ быспростъ

спощъ.

Опвсюду заревѣвъ орудья громомепны

Воспламенившейся опкрыли ужась Эпны;

Лепящи сквозъ ееръ желѣзные шары,

Росяпъ на злосныхъ меспъ, колеблюпъ нуспрь

горы;

Гуспишся мгла чернай, какъ ночи пѣвъ безлунной;

Адъ адомъ сперпъ, умолкъ снарядъ враговъ пе-

рунной;

Ихъ вождъ и бодрости и спана обнаженъ,

Бѣжишъ съ оспапкомъ силъ, полной пугливыхъ

женъ;

Предсхаль предъ очи холмъ, плачевна холмъ
кладбища;

Лежашъ шѣла вѣкругъ, волковъ и зрановъ пища,
Когда бы сжалась Россъ не предашь ихъ землѣ.

Дымясь кровей Ташарскихъ паромъ,
Едва обсохъ Россійскій мечъ;
Всѣхъ молній ополченъ ударомъ,
Визирь пошь нудишь вновь извлечь.
Сугубяшь жарь въ Ведущемъ, Россовъ.
Такъ Финиксъ шѣмъ сильнай распешъ,
Чѣмъ вяща шяжеспъ съ верху жмешъ.
Сперлись, ударились другъ съ другомъ,
Часть Сѣвера со цѣлымъ Югомъ!
Какъ въ морѣ, спрахъ судовъ, не молкнешъ хлябъ,
урча;

Такъ жерла бранныя ревь дали воззвуча;
Земля и воздухъ попрысился,
Огней геенны разлилися,
И крови, какъ вода!

Въ груди вѣдуща ихъ Героя,
 Геройства Россы черпая духъ,
 Несуть сомкнуша ужась спроя,
 Стѣной палящей движась вдругъ;
 Горами шрудносней прѣяшы;
 Воспяшь не обращающъ пяшы;
 Ни чель, ни персей не щадяшь;
 Смершьми дождимы, смершь дождяшь;
 Сквозь вражьи проломашь засады,
 Ихъ топчущъ, какъ скудель, преграды.
 Ни крѣпки, и на брань рожденныя чресла,
 Ни пѣла спрашныи роспъ, ни множество числа,
 Ни изощренный мечъ какъ бришва,
 Ни въ Мекку шеплая молишва,
 Не можешъ ихъ спасши.

Какъ волкъ, что шекъ на ловъ, но льву попался
 въ когши,
 Коль ребра унесешъ, вонъ выкрупясь, свои,
 Бѣжипъ, и по шропѣ кровавы льешъ ручьи;
 Такъ львиной крѣпоспью ошъ Россовъ Турокъ
 вспрѣченъ,
 Побѣгъ; до Иштра пушь кровъми его замѣченъ.

Тамъ понеть опягченъ свинцомъ Кагульскихъ
ранъ ;

Крушишь раздушый прупъ Дунай, его ширань ;

Во чеспи мсниишь врагамъ бездушныя стихии

Учаснивованъ спѣшанъ съ поборникомъ Россіи.

И се за Испромъ Онъ! коль грозень Туркамъ плѣнь!

Всякъ жизни часъ имъ смершь, гробъ каждая крѣ-
пость спѣнь!

Съ высотъ Фракійскихъ горъ шо видя Марсъ чу-
дился,

Равняшь съ собой Вождя Россіянъ не спыдинся.

Сколь долго я, речешъ, съ людьми ни обипалъ,

Не зрѣлъ, кшобъ шакъ побѣдъ на крыліяхъ лешалъ.

Опнынѣ на моей я въ вѣкъ вселюсь планешѣ,

Румянцовъ Марсъ ; по чшо двоимъ бышь въ шомъ
же свѣпѣ?

Взгляни; лишь шокмо онъ возложишь брани-шлемъ,

Пылаешъ всюду меспъ, и сяжешъ смершь за Гемъ.

Я знаю, шлешъ его сюда Екатерина ;

Она Ему, а Ей споспѣшница Судьбина.

Марсъ рекъ, и новый Марсъ вдругъ миромъ бранъ
вѣнчалъ.

Н А
Н О В Ы Я У Ч Р Е Ж Д Е Н І Я
Д Л Я
У П Р А В Л Е Н І Я Г У Б Е Р Н І Й .

1776.

Еще передъ Екатериной
Еще, О Муза, возыграй!
Жива послушной Ей судьбиной'
Взгляни на поднебесный рай,
На Нордъ, красу земнаго дола,
На вельѣпіе преспола,
Ошкуду радости шекушь,
Щедроша, милоснь, правда, судь.

О плески движуща Царица,
 Пророчащихъ душа пѣвцовъ,
 Неусыпающа орлица
 Для щасія Твоихъ пшеницъ;
 Сквозь мглы пренясишвей въ верхъ паряща,
 И шумомъ криль враговъ спрашаща;
 Носящася, какъ Божій Духъ,
 Да оживляешь Твой округъ!

Колико сладокъ чувствивамъ
 Сердечнымъ Твой законъ!
 Онъ ясенъ, чистъ, и свѣшель
 Какъ солнечны лучи:
 Онъ естъ Твоей зеркало
 Божественной души.
 Кто зришь со щаньемъ въ оный,
 Хоть часию Тебѣ
 Бышь долженъ сообразенъ.
 Ты ищещи вдохнушь
 Намъ собственну доброту;
 И совѣши въ насъ спящи,
 Безъ грому, пробудишь.

Такъ мудрый врачъ употребляешь
 Несстроги средспва на недугъ,
 Но лишь природѣ пособляешь;
 Рачишь, и дѣйствуешь не вдругъ.
 Пущь малъ въ болящемъ силъ оспашюкъ,
 И вѣкъ вельми бышь мнишся крапокъ:
 Чужимъ искусствомъ живь, и бодрь,
 Онъ ходишь свой оспая одръ.

Законъ, любовь который пишеть,
 Сердецъ удобень бышь царемъ;
 Законъ, одна гдѣ спрогоспъ дышетъ,
 Несносень смершному яремъ.
 Единъ влечеть, манишь, и будишь;
 Другой спрашишь, грозить, и нудишь.
 Тамъ миръ; шунъ палица и жезль.
 Тамъ жизнь; крушеніе здѣсь чресль.

Ахъ, еспьлибъ Небо должну
 На грѣхъ пускало месъ,

Лешаль бы громъ за громомъ,
 Тряслася бы земля!
 И что бы смершны были?
 Кто праведень предъ нимъ?
 Такъ власпъ земна коль сядешъ
 На спрогошши прешполь,
 И сппанешъ крышъ суровоспъ
 Подъ пѣнью правопы,
 Преобрашиши можешъ
 Селенія въ пустыню
 И въ жипельство звѣрей.

Слаба доброшѣ спрахъ подкрѣпа;
 Онъ еспъ опчаянъя ошець;
 Въ поверженнѣихъ душахъ свирѣпа
 Родилсѣ буря наконецъ.
 Вопще законъ свой мечъ изсунешъ,
 Коль чувспва къ благу въ нихъ не вдунешъ.
 Ихъ кара вяще жеспочипъ;
 Едина милоспъ ихъ мягчипъ.

Когда пучину воздвизаетъ
 Ревущій со полудня въшрь,
 Какъ люшь пирань, ее шерзаетъ,
 Лешая межъ глубокихъ нѣдръ :
 Но кажешся, что гнѣва полны
 Въ пожь время съ нимъ воюють волны.
 Усиленьемъ низвергнушь ихъ,
 Онъ множишь сонмъ враговъ своихъ.

Оспавя власъ пираннамъ
 Врожденны спрасити намъ
 Насильствомъ укрочаши,
 Монархиня! Ты шлешь
 Узду для оныхъ разумъ;
 Онъ нашимъ свѣшь спезяшь,
 Онъ кормчій дѣйсшвій нашихъ;
 Гнушаясь обладашь
 Толпой непросвѣщенныхъ,
 Возводиши намъ духъ
 Ко горню созерцанью,
 И учишь умиляшь,
 Жалѣшь, и сострадашь.

И кто крошчайшей мира дщери,
 И благовѣспницѣ Небесъ,
 Сердечны не опворишь двери?
 Кто сладкихъ не внушишь словесъ?
 Приди, и намъ вездѣ сопущивуй;
 Приди, и въ насъ, какъ Богъ, присушсшвуй:
 Храмъ чисныхъ душъ желанна мзда
 Тобой подъемлема шруда.

Всѣ книги предъ Тобой опверсны,
 Какъ вешни предъ пчелой цвѣсны;
 Твой умъ, и очеса, и персны
 Во благо намъ помиши Ты;
 На цвѣсть со цвѣша прелецаешь,
 Всѣхъ пици сладоспью пипаешь;
 Часъ наша Твой вкушати сонъ,
 Твоя для насъ гоповишь шопъ.

Свой солнце шуне мещеть
 Со шверди долу свѣшь,

Земля произрацаешъ
 Изъ нѣдръ богатый плодъ,
 Корабль споспѣшны вѣпры
 Въ желанный портъ несуть:
 Подобно благошворень
 Екатерининъ духъ
 На всѣхъ безмездно мещешъ
 Премудросни лучи,
 И шихимъ дуновеньемъ
 Въ приспанище прямаго
 Блаженства насъ несешъ.

Младенецъ како въ роспъ приходишь,
 Сіе онъ чувснвуешъ ли самъ?
 Чшо въ немъ природа производишь,
 Примѣшноль смершныхъ очесамъ?
 Онъ бдя, крѣпишся, возмогаешъ;
 Онъ спя во мужа доспигаешъ;
 И се, сосамъ кшо рождышей грудь,
 Течешъ какъ исполинъ въ свой пушь!

Монархиня Ты шѣмъ же слѣдомъ
 Ведешь Твоихъ блаженства въ храмъ;
 Тебѣ природы образъ вѣдомъ,
 Въ насъ дѣянь непримѣнно намъ.
 Ты знаешь, како права въ лѣпость,
 Добротѣ во исполинску крѣпость.
 Непринужденно насъ облечь,
 Чпобъ намъ Тебя достойно щечь.

Веснѣ подобна красной,
 Зефиры коя шлеть,
 Во всякихъ начинаньяхъ
 Ты спѣшна какъ весна.
 Когда враговъ воюешь,
 Въ насъ храбра кровь кипишь;
 Когда усна отверзешь,
 И мудросью дохнешь,
 Въ насъ вихрь спрасшей умолкнешь,
 И зиждушя сердца;
 Загрѣешь здравый разумъ,
 И ложныхъ мнѣній пучи
 Изчезнушь, яко дымъ.

Повергь стрѣлою Фебъ Пизона
 Во гнѣвъ силы своея :
 Ты дерзоснѣ крошоснѣю закона
 Сильнай разишѣ, какъ онѣ змѣя.
 Твои въ немѣ мысли сушѣ какъ стрѣлы ;
 Падешѣ порохѣ, граждане цѣлы ;
 Твоя въ прекрасныхѣ перстахѣ шроснѣ
 Перунѣ на горду мѣра злоснѣ.

Торжештвенница внѣ и дома
 Могущихѣ насѣ бороши врагѣ,
 Со громомѣ равно и безѣ грома
 Живый для насѣ испочникѣ благѣ,
 Досшойна многихѣ шоль возмездѣй,
 Колико на небѣ созвѣздѣй !
 Прими въ награду всѣхѣ заслугѣ
 Къ Тебѣ горящѣй вѣрой духѣ.

Всѣ почешти не лесшны
 Для сердца Твоего ;

Призрѣніе убога
Порфиры блескъ Тебѣ;
Число домовъ сиротскихъ
Замѣна пирамидъ;
Преставшье слезъ вдовичьихъ
Торжественъ слуху плескъ;
Воздвиженье училищъ
Державы честь и швердъ;
Цвѣтущій судъ всемѣсно,
И наша добродѣтель,
Верхъ славы Твоея.

НА
ДЕНЬ КРОНОВАНІЯ
ЕЯ ИМПЕРАТОРСКАГО
ВЕЛИЧЕСТВА.

Сеншября 22 дня 1778 года.

Воскликнише ЕКАТЕРИНЪ

Моря и горы и лѣса,
Всѣ швари видѣвши доньинѣ
Ея подѣ солнцемъ чудеса.
Благошворительница свѣта
Достойна бышь всемірно пѣта.
Плашите Ей, О Россы, дань;
Да будущъ всѣ опверсны храмы,
Да воскурятся ейміамы,
Да строишь сердце вамъ горшанѣ.

О Боже вѣчный вседержитель,
 Вѣщайше шако къ небесамъ,
 Ты нашихъ чувствованій зришель,
 Ты нашихъ благъ виновникъ самъ,
 Екатерину намъ пославый
 Щедрошь залогомъ даровавый;
 Въ сей праздника велика день
 Мы жерпву хваль Тебѣ приносимъ,
 Тебя, Всемилоспиве, просимъ,
 Проди надъ Ней покова сѣнь.

Изъ храмовъ мыслями къ Ней щецыше,
 Кругъ прона спаньше всѣ Ея,
 Красуйся, Ей сѣдящей рцыше,
 Всѣхъ выше смерпныхъ чеспъ Твоя:
 Свяпыня Твоего престола
 Земнаго украшенье дола.
 Не всеу скипиръ Тебѣ вручень,
 Всеу спасишелень онъ міру;
 Тебѣ облекшейся въ пореиру,
 Во славу Сѣверъ облечень.

По скучныхъ тучахъ упрю красно
 Когда покажешь вѣрный знакъ,
 Чшо небо должно быши ясно;
 Коль упра миль шакого зракъ?
 Краснѣешь горизонтъ безмраченъ,
 Журча крушился шокъ прозраченъ,
 Подъ элапомъ блещушь чела горъ,
 Роса живишь луга зелены,
 Живошнымъ льешия бодрость въ члены,
 По рошамъ пищъ не молкнешъ хоръ.

Россійская въ сей день Царица
 При громкомъ шумѣ торжества
 Какъ вождельнная денница
 Блеснула славой божества.
 Еще блискаетъ къ намъ лучами,
 Еще предъ нашими очами
 Священны зрятся красоты!
 Предвѣстница душевна ведра,
 Безцѣнный даръ къ намъ Неба щедра,
 Гряди; благословенна Ты!

Что зыблетъ свѣтъ надъ хладнымъ краемъ
 И зелень опдаесть лѣсамъ?
 Долю како спалъ цвѣнущимъ раемъ,
 Свой солнцу возьмшу бѣгъ къ вѣсамъ?
 Ошверзлися врапа небесны;
 Изъ нихъ проспирясь лучи чудесны
 Споясть недвижно надъ Москвой!
 Вѣчанна чesтью знаменишой
 Она въ безсмертннй лавръ обвишой
 Къ созвѣздыамъ высинися главой.

Во храмѣ полномъ благодати,
 Среди пылающихъ сердець,
 Веселыхъ чадъ сладчайша Мати
 Приемлешь, мзду заслугъ, вѣнецъ.
 Надъ Нею Херувимъ лешаетъ
 И Россамъ громко восклицаетъ:
 Сія для васъ ко щасстью вождь;
 Владѣни имаъ Ангель пише,
 На Ню лѣтся миро свыше,
 На васъ благословеній дождь.

О вѣспникъ Божія совѣща!
Свершилось, еже шы предрекъ.
Свидѣтели всѣ часши свѣща,
Каковъ Ека трини нѣ вѣкъ.
Помазанницу зримъ Господню,
Чшо вержа злобу въ преисподню
Миръ хочешъ въ роды одолжинъ.
Коль нужны дышущимъ стихіи
Ека трина шоль Россіи;
Она достойна вѣчно живъ.

НА
ВСЕВОЖДЕЛЬНОЕ РОЖДЕНИЕ
ВЕЛИКАГО КНЯЗЯ

АЛЕКСАНДРА ПАВЛОВИЧА

1777 года. Декабря.

Возникла нова въ мѣрѣ планета!

Знашь были созданы не всѣ?

Огнныиъ совершенство свѣта;

Днесъ, днесъ во полной онь красѣ.

Стоя надъ Нордомъ како блестятъ!

Свой како лучъ на Россю мещешь,

Туману, бурѣ, шмѣ прешя!

О лучъ лучей краснѣйшій дневныхъ,

О солнце радостей душевныхъ,

Кшо въ воздухъ повѣсилъ ты?

Или, О Творче, пренебесный
 Ты ниже спавишь Твой прешполь,
 Да блескъ опгь онаго чудесный,
 Всѣмъ зрящимъ, падаешь на доль?
 Да, кто Россію ненавидишь,
 Тебя надъ ней сѣдяца видишь,
 И въ сердцѣ ужась ощутишь?
 Я зрю, Ты облакъ преклоняешь,
 Надъ нами славой осѣняешь!
 Крылашый вѣспникъ къ намъ лепишь.

Драгій пришлецъ со горнихъ кругоевъ,
 Что вносиши въ Петровъ ши домъ?
 „Благословляешь Богъ супруговъ,
 „Съ Маріей Павла, днесь плодомъ.
 Сей плодъ, наслѣдіе прешпола,
 Плодъ мужеска иль женска пола?
 „Герой, герой изыдешь въ свѣшь;
 „Онъ силой свыше облечешся,
 „И Александромъ наречешся;
 „Поборникъ правды прослывешъ.

О Господи, О Отче свѣшовъ,
 Такъ внялъ Ты нашихъ гласъ сердець!
 Всегдашнихъ О Диня обѣшовъ,
 Такъ ны родилось наконецъ!
 Опверзи нѣдра днесъ Россія,
 Гдѣ злопо, спакни, и кася,
 Неси владѣшелю земель.
 Моря ему жемчугъ пролейше;
 Вы Граціи Диня повеише,
 Качайше, Музы, колыбель.

Сквозь нѣжную во зракѣ младость .
 Коль бодрый въ Немъ сверкаешъ духъ!
 Во очесахъ люющихъ радостъ
 Написано, Онъ смершнымъ другъ.
 Плещми Героя образуешъ!
 Вождя движеньми показуешъ!
 Уже изъемлясь изъ пелень
 Достигнушъ хочешъ въ полубоги,
 Грозипшъ спупишъ на быспры ноги,
 Пойши и влечъ Тапсаръ во плѣнь!

Кій звукъ я слышу издавеча?
 Не нашиль окреснь гдѣ враги?
 Не начинаешся ли съча?
 Кшо правишь шумны къ намъ шаги?
 Воспань Дишя! Почій Богъ брани.
 Несешъ къ Тебѣ съ почпенъемъ дани.
 „Се шлемъ, гласишь, мечь, щипъ, броня;
 „Сїи уборы мнѣ оружны
 „Опнынѣ болѣе не нужны;
 „Дишя, шы вмѣсно будь меня.

„Во оны часто облачался
 „Прапрадѣдъ Твой Великій Петръ,
 „И шако со враги вспрѣчался,
 „Какъ съ легкимъ прахомъ сильный вѣспрь.
 „Онъ браль мою на время збую:
 „Тебѣ я оную дарую.
 „Ты всѣхъ героевъ превзойдешъ.
 „Ты будешъ предводиши вои:
 „Я спану съ горь смопрѣшь на бои
 „О смершный, бога шы ушѣшь.

Лишь полько Марсь приспойнымъ гласомъ
 Окончилъ должныхъ шокъ словесъ :
 Борей возвившись шѣмъ же часомъ
 Въ Сшамбуль слова его унесъ.
 Изъ врашь лазореваго неба,
 Куда не всходяшь кони фѣба,
 Планешныхъ ясна ока шѣль,
 Сквозь гладкія поля еѳира,
 Предшешвуемый ошь зефира
 Прекрасный юноша слешѣль.

Троспъ миршова въ его десницѣ,
 Вѣнокъ оливный на челѣ,
 Подобень пихой зракъ денницѣ,
 При мышцахъ горлицы крылѣ.
 Вокругъ его сердцець ушѣхи
 И безпорочны скачущъ смѣхи,
 Пріапноспей невинныхъ ликъ.
 Онь зракъ успроя свой къ веселью,
 И снявъ вѣнокъ предъ колыбелью,
 Къ младенцу съ ласкою приникъ.

Вѣщаешь крошости горняню :

- „Прими, Диша, сей даръ небесъ.
 „Я Мирь, гнушаюся я бранью,
 „Я скипетръ свой Тебѣ принесъ.
 „Хоть мой вѣнокъ и незавиденъ;
 „Монархъ подъ нимъ не меньше видѣнь.
 „Мой нравъ шебѣ я вдуну въ грудь.
 „Дарилель мзды, защитникъ сира,
 „Пошцись прослыши Богомъ мира;
 „Въ подсолнечной мой образъ будь.

„Мать Павлова Екатерина

- „Хоть красишь лаврами чело,
 „Къ сей почести Ее судьбина
 „Не чесполоубье привело.
 „Ахъ ешьлибъ зависшь не мѣшала,
 „Вселеннабъ Ею процвѣшала.
 „И ты для испребленья зла
 „Хотя когда протрешься къ брани,
 „Изъ громомещущя длани
 „Сего не выпускай жезла.

То рекши дары проспираешъ
 Небесный къ Александрѣ гощь;
 Диня съ улыбкой нань взираешъ,
 И взявшись силится за прощь.
 Взимаешъ! пуспишь, вземлешъ паки!
 О вѣрны щаспія предзнаки!
 Тамъ смѣхи, нѣжності, взлешя
 Съ веселыми на верьхъ челами,
 Играють машучи крылами,
 И сыплють розы на Диня.

Но въ чещь кому древа зелены
 И лаврь и пальмы спали въ рядъ?
 Черпожны раздалися спѣны?
 Кому возникъ внезапный садъ,
 И сіи благовонны крины?
 Во образѣ Ек а т е р и н ы
 Сама Минерва се глядешъ,
 И за собой во слѣдъ доброты,
 Судь, милоспъ, испинну, щедроты,
 Ея сопунъспвіе, ведешъ!

Тамъ Роскаго Любовь народа
 Желая свой насыпнншь взоръ
 Грядущаго надеждой рода
 Мѣшаеся къ безсмертнымъ въ хоръ.
 Завидя дщерь гремящей славы
 Взыграли смѣхи и забавы;
 Просперся надъ Младенцемъ съѣшь,
 Ближайшими объашь лучами.
 Онъ ищеть бодрыми очами,
 Кій Богъ шворншь ему привѣшь.

Узря виновницу опрады
 Велико Россовъ божество,
 Вперяепъ въ Оно быспры взгляды,
 Какъ будно чувспвуя родспво.-
 Дажъ мочъ ему, даждъ, Небо щедро!
 Вспряни Диця Богинѣ въ нѣдро!
 Ея лобзанье предвари!
 Усмѣшкѣ, кою въ Ней вспрѣчаепъ,
 Онъ лишь усмѣшкой ошѣчаепъ,
 Усмѣшкой раннїа зари.

Богиня, шая сердца жаромъ,
 Лья слезь ошь радости струи,
 Любуется Небесъ къ Ней даромъ;
 По семь въ объятія свои
 Его приѣмши лобызаецъ;
 „Распи, О Александръ, вѣщаецъ,
 „Будь радость мнѣ, Россіи щипъ,
 „Для обща Сѣверу блаженства
 „Снищи возможны совершенства;
 „Да Небо дни Твои хранишь.

Рекла и внука показала
 Любви народной очесамъ;
 „Се нѣжна опрасль, Ей сказала,
 „Взойши имуща къ небесамъ,
 „И надъ шобой разширишь шѣни.
 Любовь преклонь свои колѣни,
 Какъ жарь Ее сердечный несъ,
 Къ младенцу руки проспирая,
 Умилно на Него взирая,
 Со радостныхъ пролишьемъ слезъ.

„Клянусь, речешь, Богиней сею,
 „Кошора держишь днесь Тебя,
 „Чю я горю, Тя мыслью всею
 „Всею сердцемъ, Александръ, любя.
 „Клянусь создавшимъ солнце Богомъ,
 „Я чю Тебя Небесъ залогомъ,
 „И ихъ печашю щедрою.
 „Я долго въ свѣтъ Тебя желала,
 „И се, кого я жди пымала,
 „Се нынѣ зрю Тя, Мой оплошь!

„Распи, мнѣ щасье, чесь Европы,
 „Вселенной красота вся.
 „Куда Твои ни двигнешь споны,
 „Тебѣ спуньшесивенница я.
 „Пойду, себя на все опважа;
 „Ся Тебѣ грудь вѣрна спража;
 „И безошказна жертва кровь,
 „Въ моихъ кошора льепся жилахъ;
 „Чю будешь учиниши въ силахъ,
 „Тебѣ докажешь все Любовь.

- „Заслуги помню я Петровы;
 „(Я искренна; мой гласъ не лживъ.)
 „Сей Богъ вдохнулъ мнѣ силы новы,
 „Въ семь сердецъ онъ присушспвень, живъ.
 „Присушспвенна Екатерина
 „Всегдашняя мнѣ блажь причина:
 „Къ Ней огнь души, я къ Ней спремлю.
 „И Вы, О Павелъ и Марія,
 „Предлоги думъ моихъ драгія,
 „О!.. Васъ колико я люблю!

Любви глаголы Павелъ внемля,
 Коль скоро кончила она,
 „Воспань, гласишь, Ее подъемля
 „Движеній нѣжныхъ Ты полна.
 „Я знаю, Ты неліцемѣрна,
 „И радоспъ днесъ Твоя безмѣрна.
 „Воспань и Небо славословъ:
 „Сіе еспъ обще Наше щаспье.
 „Я чувспвую Твое учаспье,
 „И помню, *мзда любви любавь.*

Онъ рекъ, и быспрые Зефиры
 Лешя скоряе, какъ молва,
 Съ бреговъ Невы въ далеки міры
 Сладчайши разнесли слова.
 О вѣрны сынове Россіи,
 Поемлющи щедроты сіи,
 Чѣмъ васъ Всевышній наградилъ,
 Всѣ станъше, какъ на нивахъ класы,
 Взнесите общи къ Небу гласы,
 И облакъ дыма оны кадилъ!

Вражда оны насъ на вѣкъ изчезни,
 Союзъ будь крѣпче ушверженъ.
 Забуди Рождшая болѣзни:
 Ушѣшься; Александръ рождень.
 Ему поклоняшся языки,
 Ево почтупъ земны Владыки.
 Коль мощный, зри, сердце Онъ царь!
 Какъ вшедша въ свѣтъ Его срѣтають!
 Какія радости лепшаютъ!
 Онъ, кажется, всю движеть шварь.

Ловець звѣрей жарчае ловишь
 И за ударомъ шлепъ ударъ :
 Для Александра онъ гошовишь
 Богатыя корысти въ даръ.
 Пловець не зря конца пучины,
 Къ нему зовешъ изъ волнь середины :
 „Младый Непшунъ съдыхъ морей,
 „Споспѣщесивуй въ моемъ шы бѣгѣ,
 „Посшавъ меня скоряй на брегѣ;
 „Почшу шя шьмою олшарей.

Паспужъ играешъ на свирѣли
 Дѣвъ красныхъ пляшучи въ кругу :
 Возносишь бога въ колыбели,
 И мнишь, онъ съ ними на лугу ;
 Его защиной спада числишь
 И въ сельскомъ просподушы мыслишь :
 Днесъ спанушь ранѣ цвѣспъ древа,
 И я пребезопасенъ въ полѣ ;
 Волковъ уже не будешъ болѣ,
 И выше взнимешся шрава.

Спѣши, спѣши, дражайша Муза,
 Смѣсиши пивой съ свирѣльми шонь;
 Ищи всѣхъ радостей союза:
 Тебѣ родился Аполлонъ.
 Онъ Росской славы звукъ умножишь,
 Жарь новый пѣснопѣвцамъ вложишь.
 Ты гласъ заранѣ направь,
 Наспрой свои, какъ должно, спруны,
 Пока молчашь его перуны.
 Днесь вщедша въ мѣръ его поздравь.

Когда привѣшшсвѣя всемирны,
 И шлюшся даже съ небеси;
 Ты пѣснь Ему во мѣсно смирны
 Благоговѣино принеси.
 Вѣрь съ паспыремъ, всему онъ внемлеть,
 Все мыслію своею поемлеть;
 Хотя младенецъ онъ, но богъ.
 Во удиленіе онъ рока
 Не дожидаясь поздна срока
 Прочтешь, прочтешь усердный слогъ.

ЕГО СВѢТЛОСТИ
КНЯЗЮ
ГРИГОРЬЮ АЛЕКСАНДРОВИЧУ
ПОТЕМКИНУ.

1777.

Въ иномъ печешь напура чинѣ!
Или воспоргъ плѣнишь мой умъ?
Въ безмолвной обласпи понинѣ
Я слышу сладкоспрунный шумъ!
Что значашь мнѣ согласны клики?
Что чистыхъ дѣвъ при покахъ лики?
Не здѣсь ли звучный спавишь пронъ
Наукъ вождь красный Аполлонъ?
Онъ, . . онъ во ареу ударяешь,
Потемкина, поя, онъ имя повпоряешь,
И учинь по швердинь и холмы и лѣса
И вѣшрь и небеса!

Цвѣши Темпейской Рай долины,
 И Нордъ красою изуми;
 Капцсь сквозь новы Днѣпръ Аеины,
 Въ брегахъ играя возшуми.
 Черезъ швои ревуци праги
 Плесни порывомъ вящимъ влаги,
 И щася безднѣ дань неспи
 Твое ей щасье возвѣсти.
 Ты славень, яко оны рѣки,
 Кошоры въ древни дни блаженны пили Греки;
 Днесь спануть пишь въ шебѣ Сокрапы, не Віошь,
 Такъ хочешъ Аполлонь.

Вѣщаюшь, Богъ сей въ мѣрѣ шаланшы посы-
 лаешъ;
 Кого коснешся онъ, въ шомъ горнѣй огонь пылаешъ.
 Рожденный въ Греціи онъ полнишь всѣ мѣсна;
 Онъ водишь умъ пѣвцевъ, и движешь имъ усна.
 Я звалъ его къ себѣ, и онъ слепѣвый съ неба
 „На сѣверѣ, мнѣ рекъ, *Потелкинъ* въ мѣсто Феба:
 „Вдохнувъ къ наукамъ жаръ герою я сему,
 „Умы воспламеняшь оспавиль Chesъ ему.

То рекши Богъ, едва въ пущь должный обратился ;
 Какъ въ сердцѣ ны моемъ, Фѣбъ новый, ощутился,
 Мнѣ шако о твоихъ удобно пѣнь дѣлашь,
 Какъ жавронку лепѣшь на орлихъ высирь крилахъ.
 Онъ самъ собой весну, паря на воздухъ, славишь;
 Но что когда орель плечи ему подспавишь,
 И спанешъ въ высотѣ поддерживаешь его ?
 Мнѣ орли рамена дарь крова твоего,
 Прекрасная весна души твоей доброта,
 Къ опечесиву любовь, ко знаніямъ охоша,
 Свѣшь мыслей, швердосшь ихъ, и шепла дружбой
грудь.

И се, я шокмо лиру спрою
 Твоихъ ко пѣнію заслугъ,
 Ужъ войско щасливо шобою
 Ко мнѣ склоняешъ крошкій слухъ !
 Сыны побѣдъ, швои лилѣи,
 Твердяшь въ умѣ швои шпрофен.
 Се внемля мой усердный шонь
 Мнѣ шихій совосплещешъ Донь !

Открышь шебѣ души все пламя
 Распущенно въ струяхъ изображаешь знамя;
 Прозраченъ зыблется, пѣнь онаго любя,
 Въ кошорой зришь себя!

Вошце къ намъ люпостию нышеть,
 Подобень звѣрю, сопоспашь:
 Любовь, чѣмъ Росскій воинъ дышетъ,
 Сильнай когшей его сно крапъ.
 Древа съ небесъ пипаешь влага,
 Такъ мздой расшеть въ грудяхъ опвага:
 Съ ней рапай въ бой, во ада мракъ,
 Несется, какъ женихъ на бракъ.
 Спавь сильный храброспи предспашель
 Потемкинъ, пѣмъ самимъ шы храбрыхъ душъ
 создашель;
 Велича должнымъ ихъ дареніемъ опликъ,
 Ты прямо самъ великъ.

Герой во воинспвѣ, и гражданинь въ гра-
 жданспвѣ,
 Коль сладко хвалъ швоихъ шеряпшися въ про-
 спранспвѣ!

На Донѣ я; къ себѣ зовешь меня Евксинь,
 „Здѣсь имь, гласишь, цвѣшешь въ шоргахъ и
 нравахъ чинь.

Гдѣ Волга съ Каспиемъ свои мѣшаешь воды,
 Коль многіе тебя благодаряшь народы,
 Кошорыхъ купля въ градъ единый созвала!
 Различны вѣры ихъ, но шаже всѣхъ хвала.
 Красуйся, никому швой жребій не обидѣнь.
 Не саномъ шы своимъ, но санъ шобою видѣнь.
 Доспоинсшва швой, не шипль высокихъ блескъ,
 Согражданъ по пупи сопровождаешь плескъ.
 Монаршихъ свѣшь щедрошь, на шя кошорый
 блещешь,
 Тобой сіяніе далече окрещъ мещешь.
 Такъ сонца лучъ когда ударишь во спекло,
 Чшо въ милый оку видъ искусство облекло,
 Въ окрещны, преломясь, вдругъ вещи ударяешь,
 На чшо ни взглянешь, все, играя, озаряешь.
 Любезень свѣшу, кшо не для себя живешь.

Пусть кедръ несетъ главу высоко,
 Коснешся выпреннихъ небесъ;
 Пусть вѣшвы распрощреть широко:

Онъ пользой выше всѣхъ деревьевъ,
 Онъ зноя лѣтъ его прохлада,
 Онъ вихря крѣпкій спань ограда,
 Плодомъ онъ землю богатишь,
 Черезъ зелень очи веселишь.
 Доброшы древу шоль чудесной
 Какъ ведра и росы не пожелаешь небесной?
 Распи, распи земныхъ прекрасно чадо нѣдръ,
 Распи и множься кедръ!

Роскошный злато распочаешь
 И щипишь угоспишь весь мѣръ;
 Черезъ ложный блескъ бышь видѣнь чаешь,
 На время льспишелей кумиръ.
 Скупой, душа въ сребрѣ зарыша,
 Все жрешь въ себя какъ хлябъ несыша,
 Какъ адъ не отдающій жершвъ,
 Роднѣ, друзьямъ, и свѣшю мершвъ.
 Сокровищница мужа щедра
 Споишь опверста какъ самой природы нѣдра.
 Виждь, коль *Потемкина* ни дарспвуешь рука,
 Онъ полонъ какъ рѣка!

Гдѣ спустишь оны, шворецъ надежды, не боязни;
 Кто дышитъ, оны его не исключень пріязни.
 Ты заяцъ робкій звѣрь, бѣглець неровныхъ ногъ,
 Ты въспѣвшихъ елень носитель гордый рогъ;
 Вы легкостію шѣль и прыстью славны серны,
 Даючи въ верхъ и въ низъ вдругъ скоки непо-
 мѣрны;

И ужасомъ зубовъ вооруженный вепрь,
 Какъ буря мчащійся сквозь мрачну лѣсомъ дѣбрь;
 Или долгимъ въ воздухѣ плывущи спадомъ птицы
 Манимы шеплопой во сѣверны границы,
 Когда распаешь снѣгъ, и скрывшійся ловець
 Пускаешь изъ ружья въ васъ пагубный свинець,
 Вы не были его забавою ловишвы;
 Не слышны лаи псовъ во кругъ его селишвы.
 Лишь Турковъ, никого оны въ свѣпѣ не разиль;
 Спо крапъ его и Туркъ имъ плѣнный прослезиль.
 Слеза среди побѣдъ не значишь духа малоспѣ:
 Инымъ вперяется, ему врожденна, жалоспѣ.
 Его ушѣха бышь любимымъ и любилъ.

НА
ДЕНЬ ТЕЗОИМЕНИТСТВА
ЕЯ ИМПЕРАТОРСКАГО
ВЕЛИЧЕСТВА.

Ноября 24 дня 1778 года.

Безсмертный сыне Каллиопы

Спусти мнѣ Лиру днесь свою :

Да диво свѣта, честь Европы,

ЕКАТЕРИНУ воспою.

Въ сей день языки всѣ согласно

Хвалений жершву велегласно

Приносятъ имени Ея ;

Содѣлай, да средь обща клика

Среди веселія полика

Слышна пѣснь будешь и моя.

Се возьму лиру въ перспы смѣлы,
 Усна мои се движеть Богъ;
 И мысли, какъ изъ лука спрѣлы
 Лешяшь другъ за другомъ во слогъ.
 Вселенной правду возвѣщаю,
 Кошору въ сердцѣ ощущаю;
 Всѣ пвари приклоните слухъ.
 Да доль меня и небо внемлетъ;
 Екатерину предприемлетъ
 Въ воспоргѣ славословишь духъ.

Всего что ищеть око наше,
 Сльвентъ что именовъ красомъ,
 Екатерининъ Образъ краше
 Обспавленъ тысящью доброшъ.
 Пряшенъ лучъ весеня Феба,
 И миль въ ночи видъ звѣзда неба:
 Ея прекраснѣе душа,
 Кошора къ намъ лучемъ закона
 Со высошы блискаетъ прона,
 Спрасней въ насъ бурю шѣмъ шуна.

Какъ дождь на нивы послѣ ведра,
 На лугъ какъ падаетъ роса:
 Опъ Ней сердце шакъ нашихъ въ нѣдра
 Премудры каплють словеса;
 И еже опъ Ней низходишь
 Въ насъ плодъ спокрапный производишь;
 Не впунѣ сыплешь сѣмена.
 Чье сердце полъ окамененно,
 Кошоробъ не было плѣненно,
 Когда виныйспвуетъ Она?

Исходимъ мы въ дубравы злачны,
 Унынія разгнаши мракъ;
 Въ попоки вносимся прозрачны,
 Омыши очерненный зракъ:
 Чшобъ совѣспъ въ насъ не померцала,
 Во мѣсно смошримъ мы зерцала
 Во Твой, Монархиня, законъ.
 Подъ солнцемъ всѣ почпи владыки
 Супъ, мѣрой нѣкоей, велики;
 Ты Богъ межъ нихъ; Синай Твой пронъ!

Среди Ливана благоводна

Споишь красующійся кедръ;
 Въ немъ крѣпость вѣкомъ безуронна
 Не смопришь на шумящій вѣпръ.
 До облакъ вѣпъви возвышаешъ;
 Мимоходящихъ приглашаешъ
 Своихъ къ обилію плодовъ;
 Опершись на древа окреспны
 Ему вѣсокосью несверспны,
 Ошь бури подаешъ имъ кровь.

При небѣ шако милосердомъ
 Россія средь державъ земныхъ,
 На корени держима пвердомъ
 Доброшь, Монархиня, Твоихъ,
 Главу ко небу просшираешъ,
 Шипяцу зависшь презираешъ.
 Объемля царспвія въ шѣни,
 Всѣхъ кличешъ нѣдръ своихъ къ обилію
 И буйному прѣшишь насилью
 Мрачешъ войной сосѣдей дни.

Въ Сократѣ чловѣковъ друга
Мнилъ зрѣши просвѣщенный свѣтъ :
Тебя, краса земнаго круга,
Тебя онъ како назовешъ ?
Ты что ? какъ милоспъ и щедроса,
Одушевленная доброша.
Коль много Небеса чудесь
Во благо сей земли пворили,
И еспъли ону чѣмъ дарили ;
Ты смерпнымъ лучший даръ Небесь.

ЕГО СВѢТЛОСТИ
КНЯЗЮ
ГРИГОРЬЮ АЛЕКСАНДРОВИЧУ
ПОТЕМКИНУ.

1778.

Средь благъ, копоры очеси
Словеснаго швореня лесны,
Влиспаюшь каменія чесны,
Какъ звѣзды ночью въ небеси.
И аки огнь сіяешь злато,
Хошя на свѣшь изъ мрака взяпо.

Но ешъли ищени, мой духъ,
Великолѣпія въ семь мірѣ
Досшойна славишишь на лирѣ:
Чшо краше къ опчесиву заслугъ?
Звѣздамъ чудишся шощь напрасно,
Кшо солнце созѣрцаешь красно.

Возьми, возьми скоряя
 Орудіе гремяще
 И сниди ко брегамъ
 Госшепріемна моря,
 Гдѣ льещя шихій Донь,
 Гдѣ воды Меотійски;
 Туда *Потелкина*
 Тя имя призываешъ.
 Испоцавай швой даръ
 Водохновенъ съ Неба,
 Глася его хвалы
 И испинны велики.

Нужна для безопасья мочь:
 Она владычествы спасаешъ,
 И молча зависшь ужасаешъ,
 Навѣсны черны гоиншь прочь.
 Левъ спящій спящи одадь нудишь,
 Вкругъ волки: кто его разбудишь?

Кто чуть приблизился угрысть,
 Въ мигъ бурю на себя воздвигнешь :
 Онъ вспанель, пошечель, поспигнешь,
 И звѣрь когшей его корысть.
 Везувій огонь не вѣчно мещель,
 Но окресль доль его шрепещель.

Курящаяся мгла

Изъ челюстей опверстныхъ
 Минувши ужасы
 Въ умы впечатлѣваеть.
 Хотя бы чистое
 Во чревѣ крыль онъ злато :
 Желѣзомъ кто дерзнешь
 Его пронзати ребра?
 Бѣги, О алчный, прочь,
 Пока не разродился ;
 Подъ огненнымъ бутромъ
 Ты лжешь какъ пылинка.

Спѣвна изъ доблестныхъ грудей
 И мѣдны шлющи огнь горшани,
 Что бранью сокрушають брани,
 Скишпродержавныхъ пвердь судей.
 Зевесъ имущъ перуны строги
 Сильнай, какъ всѣ на небѣ боги.

Къ нему единому орель,
 Служипель смѣлый, быспрый, вѣрный
 Лешая сквозь еѳирь безмѣрный
 Епнѣйскихъ носипъ ужась спрѣль.
 Симъ молнѣя во мглѣ сверкаешъ,
 Отъ коей солнце померкаешъ.

Подобіемъ орла,
 Зевесога на коемъ
 Опочиваешъ мощъ,
 Потелкинъ! всѣхъ превыше
 Къ Екатерины Ты
 Усердіемъ париши,

Къ ней новый принося
 Во ужась сопротивныхъ
 Безперерывно громъ :
 Да будеть межъ земными
 Владыками Она,
 Чшо Зевсь между богами.

Звучить труба! на югъ брань!
 Съ мечемъ въ десницѣ обнаженнымъ,
 Турецкой кровью упоеннымъ
 Ты плашиши Ей вѣрну дань;
 Полету быспропой орлину,
 Ошвагой равень исполину.

Со Геликона высоты.

Я вижу вкругъ поля кровавы,
 Все поприще геройской славы:
 О како борешься Ты!
 Передъ швоими какъ снопами
 Падушъ прошивники шоллами!

Едва со ратныхъ полъ
 Побѣдъ вѣнчанный лавромъ
 Ты красный путь просерь,
 Опечесива во нѣдро :
 Какъ вождельный Миръ
 Съ высокаго Олимпа
 Спустился на брега
 Турецкой кровью влажны,
 Со радостнымъ челомъ
 Къ Дунаю подспунаеть,
 И кажучи ему
 Въ десницѣ вѣпвь оливну ;

Преспань печалишься, речень,
 Скончаешся шумъ брани вскорѣ,
 Вода швоя во Черно море
 Прозрачна паки пошечеть.
 Единь изъ лавроносныхъ Россовъ
 Сопреть назначень Чалмоносцевъ.

Присущствень всюду пламенѣль
 Онъ грозною на нихъ зарницей,
 Казня ихъ собственной десницей
 О ихъ безумьи сожалѣль:
 Опсущственный умомъ ихъ свяжешь,
 Какъ въ адѣ запертыхъ обляжешь.

Напрасно гордый Марсь
 За сына присвояешь
 Подвижника сего;
 Искусствомъ будио брани
 Единымъ онъ великъ.
 Колико силенъ мышцей
 Столь разума лучемъ
 Предивный онъ спосѣшникъ
 Въ намѣреняхъ моихъ.
 Я слышаль самъ на небѣ,
 Чшо Боги шакъ о Немъ
 Вѣщали велегласно.

Его гдѣ спражи очеса,
 Тамъ лакомь облекутся долы,
 И степи безобразно голы
 Дремучи возраспяшь лѣса,
 Зеленый дикихъ домъ еленей
 И ошдыхъ пушнику межъ шѣней.

Сопленишися во красный полкъ
 Съ нимъ будешь вѣчно жишь науки;
 Черезъ художественны руки
 Одушевишся шканьемъ шолкъ;
 Цвѣтъ бисера являть кристаллы
 И вышній блескъ дадешь мешаллы.

Да прочно осную
 Я царствіе въ России;
 Онъ будешь упреждашь
 Черезъ прозорливость брани,
 Безсилиши враговъ,
 Спезей ему лишь вѣсшной,

И повлечешъ во плѣнь
 Народы чужды пѣнами;
 Умѣя безъ меча,
 Безъ проліянья крови,
 Безъ пушекъ и огня
 Торжественникомъ быши.

Рекъ Мирь, и абіе во слѣдъ,
 Гдѣ неся рапай лавроносень,
 Лепишь по воздуху некосень;
 Лепишь, повсюду свой полеть
 Со быспроснью коней равняя,
 Надъ нимъ крылами осѣняя.

Дерзай вступиши во черпогъ
 Напаснми искушенный Воинь,
 Твой подвигъ почестей достоинь;
 Тебѣ соупникъ мира Богъ:
 Начни, исполни по глаголу,
 Кошорый снесъ онъ съ неба долу.

Кій шумъ и шопощь мнѣ
 Во уши доспизаешь!
 Какіе въ очесахъ
 Народа зряшся лики!
 Не совершаешсяль
 Пророчесствіе Мира?
 Херсонски жишели,
 Единой вѣры чада,
 Не выль оставя югъ,
 На сѣверь къ намъ грядете?
 Я въ спрѣчу пошеку
 И обыму собраній.

Какъ зимній чующія хладъ,
 Когда покинувь гнѣзда пшицы
 Проспрушся въ шеплыя границы,
 Пловушь горѣ за рядомъ рядъ:
 Ихъ крила движущся согласно,
 Горшани восклицающъ гласно.

Или какъ юны пчель рои,
Когда опечесиво оспавяшь,
И въ лѣсъ иль въ лугъ полешь направляшь,
Да клѣпки обрѣшушь свои,
Сквозь воздухъ облакомъ несущся,
И крила ихъ жужжа прясушься.

Подобьемъ сицевымъ,
Оспавль свои жилища
И съ варвары союзъ,
Износяпся пришельцы.
Тамъ спарцы, юноши,
Благообразны дѣвы,
Тамъ жены и мужья
Въ объятныхъ чадъ держащи.
За сонмомъ сонмъ печешь,
Ликъ лика провождаеть,
Весь двигнулся Херсонь;
Конецъ ему не видѣнь.

Потелкииъ при пуши ихъ ждя
 Споишь на холмѣ превысокомъ;
 Грядущихъ усрѣшаетъ окомъ,
 И въ видѣ друга и вождя
 Имъ пушь къ селеню показуешь,
 Въ себѣ Наввина образуешь.

Се Небо безъ угрюмыхъ шучь!
 Туда, гласишь, проспришесь прямо,
 Тамъ нивы плодоносны, шамо
 Екатерининъ блещеть лучь.
 Опъ ногъ прахъ Крыма опспрясите,
 Ей дань духъ чистый принесите.

Молдавецъ, Армянинъ,
 Индѣянинъ иль Еллинъ,
 Иль черный Еѳіопъ,
 Подъ коимъ бы кто небомъ
 На свѣшъ ни произникъ;
 Мать всѣмъ ЕКАТЕРИНА;

Всѣмъ милоспи Ея

Отверсты присно нѣдра.

Какъ воздухъ смертнымъ общь,

Такъ сѣнь Ея покова;

Подъ Ней покой душамъ

Обращете вы вашимъ.

Едва скончалъ глаголы усьь,

Ему спущьшественникъ Богъ мира

Доспигши въ Крымъ скоряй Зефира

Всѣхъ вонъ зовешъ, и Крымъ спаль пусшъ.

Абдуль въ уронъ безъ возврапа

Скорбишъ какъ безъ крыла пернаша.

Словесныхъ радуйся ловецъ!

Твой спрой въ кровавой бывый пѣнѣ

Не имашъ въ семь учасшья плѣнѣ.

Народовъ радуйся опецъ!

Твои, пвои сушь чада сіи,

Твой разумъ ихъ родиль Россіи.

Колико пирамидъ

Ты днесь себѣ воздвигнуль!

Ко шипламъ приложи

Великолѣпну шиплу;

Со всей земли племень

Слыви усыновишель.

Чужихъ расшѣнья спранъ

Преносящся на сѣверъ:

Языки чужды шы

Перераждай во Россовъ;

Труждайся: верпоградъ

Твой цѣлая Россія.

НА
ВСЕВОЖДЕЛЪННОЕ РОЖДЕНИЕ
ВЕЛИКАГО КНЯЗЯ
КОНСТАНТИНА ПАВЛОВИЧА

1779 года. Апрѣля.

Что се! средь дня въ сѣирѣ блещеть
Сложенный изъ созвѣздій крестъ!
И очи кроя Туркъ препенещеть!
Ты, Муза, чшуща книгу звѣздъ,
Ты знаменья мнѣ рцы причину.
Тезоименный исполину,
Максеншій коимъ побѣждень,
Защитникъ вѣры, слава Россовъ,
Гроза и ужась чалмоносцовъ,
Великій Константинъ рождень.

Открывъ впервые, онъ возводишь
 Свои на небо очеса;
 И духъ Господень на нъ низходишь
 Какъ на возникшій кринь роса.
 Тихъ, свыше вдохновень, прекрасень,
 Со именемъ своимъ согласень,
 Онъ движешь нѣжныя успа,
 И хочешь Бога исповѣдашь,
 Велику силу проповѣдашь
 Побѣдъ виновника креста.

Коль многи въ честь ему млеи
 Несешь привѣщшвенна весна:
 Толики спяжешь онъ профей;
 Ему вся Азія пѣсна.
 Какъ молнію, свой мечъ изсунешь,
 Какъ буря въ Югъ онъ Норда дунешь.
 Вселенна новыхъ жди чудесь!
 Не въ Спитгъ волшебнѣ погруженный,
 Броней небесной обложенный
 Родился новый Ахиллесъ.

Не Трою рушиши назначень;
 Но гордыхъ варваръ побѣдишь;
 И градъ, кой Греками упрачень,
 Опъ гнусна плѣна свободишь;
 Нещасны плѣмена воспавишь,
 Опъ ига рабства ихъ избавишь,
 И новы души въ нихъ создашь;
 Опъ сквернь очистиши свящыню,
 Въ Аравску зло заслашь пущыню,
 Землей и моремъ обладашь.

Разкрылось небо! во пореирѣ
 Споишь зря долу Константинъ,
 И слышанъ гласъ его въ еирѣ:
 „Петрово Племя, Павловъ Сынъ,
 „Кой перспомъ рока въ мѣръ извлекся,
 „И именемъ Моимъ нарекся;
 „Расши, мужайся, спани въ бой.
 „Градъ, иже древле Мной основанъ,
 „Тебѣ во обласъ угошованъ,
 „Опредѣленно шакъ судьбой.

„Не всеу Тя Екатерина
 „Небесь приемлешь за залогъ;
 „Все пожь, Она или судьбина,
 „Все долу правишь Ею Богъ.
 „Среди похваль немолчна звука,
 „Она Тя пошлешь грозна внука
 „Со Невскихъ въ Геллеспоннъ бреговъ.
 „Твоей побѣдоносной дланю
 „Споспѣшешувуй Ея желанью;
 „Ей зрящей, низложи враговъ.

„Въ рожденну многой силой дерзоспъ
 „Ея брось молнію и громъ;
 „Низвергни запуспѣнья мерзоспъ,
 „Насильно вшоргшусь въ Божій домъ.
 „Нечеспье срини въ преисподню,
 „Чеспъ гробу возврапи Господню;
 „Мой въ прежню славу Тронъ воспшавъ.
 „Владѣй, и свѣша въ краѣ ономъ
 „Екатерининымъ закономъ
 „Тебѣ подвласпны люди правъ.

Онъ рекъ; и въ горней крестъ спихи
Пловя къ полудню возблиспаль,
И надъ свящилищемъ Софїи,
Предвѣспникъ благодани, спаль.
Рога луны низпали блѣдной;
Гласъ пѣсни возгремѣль побѣдной.
Вошель, вошель Царь славы въ храмъ!
Се паки онъ какъ небо зришся,
И благовонный въ немъ куришся
Живому Богу еиміамъ!

ЕГО СВѢТЛОСТИ

КНЯЗЮ

ГРИГОРЬЮ АЛЕКСАНДРОВИЧУ

ПОТЕМКИНУ.

1779.

Воспани муза! пѣнь достоинъ

Вождя возлюбленна шебѣ,

Кой тысячамъ блаженство спроишь,

Живь позду роду, не себѣ.

Коль радостень, съ серьпомъ въ десницѣ,

Исходишь дѣлашель въ поля:

Потемкинъ радуешся сице,

Другимъ плодъ нивъ своихъ дѣля.

Мешатель на враговъ перуна
 Полнь вѣдений, какъ сѣяшь мирь :
 Премудрости его фортуна
 Послушна, низкихъ душъ кумирь.

Себѣ единому подобень
 Въ добротѣ благородство чинишь ;
 Всѣмъ равень, и опъ всѣхъ особенъ,
 Луча сннзшеснвіемъ не пмишь.

Паря ко Вышняго престолу
 На крилахъ вѣры сердцемъ всешь
 Онъ храмы украшаетъ долу ;
 Да соравнялся съ небесемъ.

Его Аeonъ, подъемля руки,
 Съ священныхъ осѣняетъ мѣспь ;
 Ему спущешеснвующъ науки
 Прекрасныхъ въ образѣ невѣспь.

Чести пѣвца Троянской брани
 Быль, пишущь, Александровъ вкусъ:
 Какъ сопь Пошемкина горшани
 Твой спихъ, великій опче музь.

Въ ослабу упружденна духа
 Онъ чпешь иль внемлешь звонъ музыкъ;
 И судишь понкостію слуха,
 Чѣмъ сладокъ опчеспва языкъ.

Но какъ не щася успѣваешь,
 Когда разбудишь мысль свою;
 И жарку душу проливаешь
 Перомъ на снѣжну харшію!

Не пшажекъ праздныхъ словъ примѣсомъ,
 Красотъ во слогѣ онъ примѣръ;
 Когдабъ онъ не былъ Ахиллесомъ,
 Всемѣрно былъ бы онъ Гомеръ.

ПѢТА ВЪ МАСКЕРАДѢ
НА ОЗЕРКАХЪ.

1780.

СТРОФА.

Полунощи Царица

Народовъ многихъ Мать!

Владычя простираншву

Душа Твоя равна.

Ты черпашь дары съ неба;

Мы черпемъ ошь Тебя.

Ты шрову честь Петрову,

Намъ щастіе и жизньъ.

АНТИСТРОФА.

О ПАВЕЛЬ И МАРИЯ

Ушѣхи нашихъ думъ!
 О Орле и Орлица
 Родившіе Пшенцевъ,
 Имущихъ воспарити
 Превыше облаковъ!
 Уже въ бронѣ и шлемѣ
 Играешь Александръ.

Е П О Д О С Ъ.

Какъ благовонный израспаешь
 На полѣ цвѣтоносномъ кринь:
 Подобной красопой блиснаешь
 Во колыбели Константинъ.
 Богинины расшише внуки;
 И хваль Ея продлише звуки.
 Какъ кедръ, Петровъ умножъся домъ,
 И богати весь свѣшь плодомъ!

ДОЛЖНОСТИ ОБЩЕЖИТІЯ

ИЗЪ СОЧИНЕНІЙ

ГОСПОДИНА ТОМАСА.

Проснись, О смертный человекъ!

И здѣлайся полезнымъ свѣшу;
Послѣдуй истинны совѣшу;
Въ безопасности не пращъ свой вѣкъ.
Лепить не возвращаясь время;
Слѣши пороковъ свергнуть бремя.
Заупра смерть себя ссѣчь,
Во гробъ заупра вовлечь.

Тыль хочешь слышь словесна шварь
Весь въ подлу праздношь погруженный!
Твой ею умъ изнеможенный
Спраспей пвоихъ коль слабый Царь!

Не съ пѣмь ли человекъ родился,
 Да въ жизни дѣйствуешь, прудился?
 Въ бездѣйствіи порочномъ живишь
 Есть прежде смерти мерзвымъ быши.

Введи, безпечной! окрестъ взоръ
 На міра зданіе прекрасно;
 Коль пвари въ немъ шекупь согласно!
 Коль спроенъ оныхъ зриши хоръ!
 Не всѣ ли щипаши совокупно
 Свой долгъ исполнишь непреспуно?
 На мѣспѣ все своею спощишь;
 Союзъ взаимный все крѣпишь.

Воздушну гущность чиспиши въпръ:
 Но воздухъ жмень въ предѣлахъ воды;
 Чпобъ жапвой угобзишь народы,
 Бьешь влага изъ подземныхъ нѣдръ;
 Браздами воспріятно сѣмя
 Приносишь плодъ въ урочно время;
 Огнь еспъ пипаніе всему,
 Огню все пища самому.

Но ты, что даръ поемлешь собой,
 Ты пварь всѣмъ пварямъ предпочтенна,
 Душей безсмертною одаренна,
 Мечтаешь, что на кругъ земной
 Ты брошенъ на конецъ безвѣсной,
 Лишь праздный зришель поднебесной!
 Единъ внѣ общей связи ты,
 Внѣ всѣхъ помящей суебы!

Еще какъ не быть ты рождень,
 Тебѣ заслуги показали,
 Законы предки написали,
 Въ пвой щипъ воздвигли крѣпость спѣнь;
 Чрезъ попеченія нещепны,
 Чрезъ прудъ и опынь долголѣпны,
 Приутошовили, любя
 Свой родъ, науки для тебя.

Топь кровь, гдѣ ты безъ страху спишь,
 Спокойность пвоего жилища,
 И хлѣбъ пвоя всегдашня пища,
 Чѣмъ мочь упраченну крѣпишь,

Твои довольствія, успѣхи,
 И самы нужды, неуспѣхи
 Тебѣ немолчно вопіюшь,
 Чтوبъ ты любилъ полезный прудъ.

Скажи мнѣ, опчество заслугъ
 Твоихъ сколь много ощутило?
 О ешьлибъ хоть сіе произошло
 Воспоминаніе пгзой духъ!
 Иль ждешь, чтобы гражданства члены,
 Опчаясь пвоея премѣны,
 Живаго плакали шебя,
 О помъ, что умрешь, не скорбя.

О срамъ и спудъ Европы всей,
 Плачевна нашихъ дней судьбина!
 Любезна должностъ гражданина
 Забвенна нынѣ у людей!
 Источникъ общихъ благъ и сила,
 Священна шшла! что родила
 Великихъ свѣту душъ, увы!
 У насъ презрѣннѣ племя.

Опечесива вспомни прудъ,
 Пипало какъ тебя въ младенствѣ;
 Печеся о швоемъ блаженствѣ
 Законѡвъ спражь, чшо пишешъ судъ;
 Герои шучей спрѣль покрышы
 Падунъ для швоея защины,
 Не зря на шокъ кровей своихъ.
 Скажи, чшо сдѣлалъ шы для нихъ?

То имя сына и ошца,
 Чшо шоль всѣмъ мило и прелесшно,
 Тебѣ ли будешъ неизвѣсно!
 Гдѣ шоль безчувшвенны сердца?
 Возри на варваровъ примѣры:
 Гуронъ среди своей пещеры,
 Внушрь обагранныхъ кровью спѣнь
 Вкушаешъ сладоснь сихъ именъ.

Любви его предлогъ драгой
 Къ нему веселы мещешъ взгляды,
 Усмѣшкой множишь въ немъ опрады,
 Даришь по шрудносняхъ покой;

Опець покрытый сѣдиною
 Лежишь склонясь къ нему главою:
 Взгляни, какъ сынъ невинныхъ лѣтъ
 Его лобзая къ персямъ жмешь!

А ты напуры опщешся,
 Народныхъ бѣгая соборовъ,
 И кроясь въ пемношѣ заповоровъ
 Прервалъ съ собой всю міра связь.
 Сквозь знаки на лицѣ угрюмы
 Въ шебѣ безплодны видны думы;
 Безъ упражненія и дѣлъ!
 О какъ пвой духъ оледенѣлъ!

Хопябъ огонь дружбы распалилъ
 Сію во Споикѣ холодношь,
 И жизни спрогія безплодношь
 На пользу ближнихъ преклонилъ!
 Что сердцу каждаго прошивно,
 Ты снесъ то можешь перпѣливо,
 Оставивъ свѣшь и не вкусивъ
 Драгихъ ушѣхъ, любиму бышь!

Ты знай, что дружба ищетъ душъ
 Къ похвальнымъ дѣйствамъ усрежденныхъ;
 Не любишь мѣстъ уединенныхъ
 Ее оны сердца чшущій мужъ.
 Кто другъ, безчувственностъ пустынна
 Творишь того шяжчайше винна;
 Безъ дѣйсва мыслей правота
 Пустая шолько есть мечта,

Нашъ долгъ другъ другу помогашь
 На возрастъ не смотря и чины;
 Правдивы движущъ насъ припчины
 Единокровныхъ подкрѣпляшь.
 Богачъ! ты нищаго насыпи;
 Могущій слабаго защипи,
 Мудрецъ невѣжду умудри,
 Щадите подданныхъ Цари.

Ты спишь, а вокругъ тебя обшавъ
 Нещасны шяжко воздыхающъ,
 Бѣды опечество шерзающъ,
 Пороки шопчущъ свяшностъ правъ!

Ты спишь, мы съспуемъ и просимъ,
 Мы скорбный гласъ къ тебѣ возносимъ!
 Проспри ивой слухъ: ошь всѣхъ споронъ
 Плачевный слышенъ вопль и спонъ.

Коль много жалоспныхъ сиронъ!
 Вдовиць близъ врапъ спонящихъ ада,
 И спарцевъ шающихъ ошь глада,
 Предавшихъ ошчеспву живонъ!
 Въ оковы шяжки заключенныхъ,
 Спраданъ безвинно осужденныхъ!
 Коль много слезной нищепы,
 И хладъ шерпящей нагошы!

Ахъ! ужаснися, препещи,
 Чшобъ раздраженныа ихъ шѣни,
 Восшавъ изъ преисподней сѣни,
 Во дни являясь и въ ноци,
 Рыданъ не спали предъ тобою,
 Чшо шы кончины ихъ виною,
 Убойся Фурій шы лица,
 Чшо мучашъ злобныа сердца.

„Какъ? мнѣ спастъ жертивовашъ собой
 „Блаженству душъ неблагодарныхъ,
 „Льстецовъ, угодниковъ коварныхъ,
 „Корысти ищущихъ одной!
 „Они исполненные злобы,
 „Пронзають шѣхъ самыхъ упробы,
 „Что ихъ питають и щедряшь;
 „Они опцовъ, своихъ губяшь.

„Все въ мѣрѣ жертва или пирань;
 „Невинность силъ уступаешь;
 „Таланты злою помрачаешь;
 „Законъ опъ щастія попрашь.
 „Людей преспуныхъ опъ успѣха
 „Добротѣ шамъ моей помѣха.
 „Дай мнѣ въ пещерѣ сей умрешь,
 „Я свѣща не могу шерпѣшь.

И такъ себя пороку спранишь,
 Не шерпишь шы сердце развратныхъ!
 Увы, для слѣдствій непріятныхъ
 Изъ свѣща праведникъ бѣжишь!

Но еспѣли мудрость преселишся,
 И чеспѣ ошѣ смерпныхъ удалишся,
 Каковъ, скажи мнѣ, будешъ свѣпѣ,
 Доброша въ коемъ не живешъ?

Должналь она себя скривашъ
 Въ пещеры мрачны и глубоки,
 Тогда, какъ царспвуюшъ пороки,
 Права осуждены молчашъ?
 Ахъ! вѣрь, нѣпѣ лучшаго предмета
 Служаща къ украшенью свѣпѣ,
 Какъ непорочнои челоуѣкъ,
 Кой злоспи входъ къ себѣ пресѣкъ.

Вожди и Мудрые земли,
 Прямые челоуѣковъ други,
 Являли имъ свои заслуги,
 Хопѣ въ нихъ достоинспвѣ не нашли.
 Ты вмѣспо, чпобѣ кого оспавишъ,
 Попщисъ щедропшой злыхъ исправишъ,
 Безъ исключенья всѣмъ служи,
 Неблагодарныхъ обяжи.

Чпо нужды дани ждань опь нихъ?
 Твоя прехвальна добродѣшель,
 И Богъ души швоей свидѣшель
 Мала ли мзда заслугъ швоихъ?
 Тѣмъ вящше чести швоя блиспаешь,
 Чпо низкоснѣ планы презираешь;
 И злоснѣ безчувственнхъ сердець
 Твой краше дѣлаешь вѣнецъ.

На злая челоуѣкъ шечешь,
 Дѣянїй множешвомъ беспшуднхъ
 Небешь удары правосуднхъ
 Вседневно на себя влечешь:
 Но сколь Творца ни огорчаешь,
 Творецъ нань милоснѣ распочаешь;
 Дождншъ на плодъ земный изъ шучь,
 И проливаешь солнца лучь.

ПОЕМА

НА ПОВѢДЫ РОССІЙСКАГО ВОИНСТВА,

ПОДЪ ПРЕВОДИТЕЛЬСВОМЪ

ГЕНЕРАЛА ФЕЛЬДМАРШАЛА

ГРАФА РУМЯНЦОВА,

ОДЕРЖАННЫЯ

НАДЪ ТАТАРАМИ И ТУРКАМИ,

*Со времени его военачальства надъ первою арміею,
до взятъя города Журжи.*

Уже превозмогла полночной мессъ Аспреи,
Молдавски горы Ея превращены въ профей;
Орудіе Ея и промысла чудесь
Румянцовъ до бреговъ Дунайскихъ громъ пронесь;
Грядешь, сполбъ огненный надъ нимъ и вой-
скомъ блещешь!

Разишь, падушъ враги! вселенна совосплещеть!
 Ты, Муза, подвиги полики умолчишь,
 И добродѣшель пѣмь на вѣки огорчишь?
 Ты шумъ въ концы земны гремящей внемля брани,
 Достпойной не воздашь швоимъ Героямъ дани?
 О опчешива любовь, заслуга, вѣрность, честь,
 Вожди и спупницы Россійскихъ силъ на месць,
 Ко мнѣ, богини, днесь, ко мнѣ свой лучъ про-
 сприше,
 И жаромъ ихъ сердцець мой духъ воспламенише!
 Внимай вселенная со спрахомъ пѣснь мою;
 ЕКАТЕРИНИНЫ ПОБѢДЫ Я ПОЮ.

Лишь солнечны лучи край хладный озарили,
 Спадами птицы въ нрдъ съ водъ шеплыхъ вос-
 парили,
 Открылся кораблямъ свободный въ морѣ пунь,
 Зефиры но лицу земному снали дупь:
 Герои Сѣвера, съ прекрасной вдругъ весною,
 Въ югъ бури понесли, войну гоня войною.
 Какъ хищрые ловцы озрѣвши всѣ мѣсна,
 На пагубныхъ звѣрей разспавивъ пенеша,
 И ночью бдяшь и днемъ, доколѣ не уловяшь;

Ошвсюду Россы ковь и смершь врагамъ гошовашь.
 Пущились Турки въ доль, вспирѣчаютъ Россъ
 огнемъ!

Бѣгутъ на холмъ крушой, шамъ Россъ споишь
 съ мечемъ!

Нещепны ихъ спада; здѣсь шайнспва науки;
 Въ нихъ люшосшь, звѣрспво, мочь; здѣсь гро-
 момъ спрашны руки;

Одни и шѣжь полки въ безчисленны дѣлясь
 Разяшь разсыпавшись, разяшь соединясь;
 Толь быспры, какъ огонь, чпо въ варваровъ
 бросають,

Толь шверды, какъ мешалль, чѣмъ груди ихъ
 пронзають,

Всегда ободрены надеждой шоржеспва,

Всегда исполнены внушеній еспеспва,

И просвѣщенныѣ пославшей ихъ Палладой,

Могущи побѣждашь и въ яроспи съ пощадой!

Предайся въ плѣнь, Керимъ и гибель предвари,

Какъ? ны упорспвуешь, ошчаянной, умри!

Карайте гордато во брани нещасливца,

Безсильнаго рукой, смырѣносшью убивца.

Онъ палъ, между своихъ непогребень лежишь;

Ошець его съ спудомъ, оставя спань, бѣжишь;

Грудь грудью, мечь мечемъ, встрѣчаютъ гро-
момъ громъ.

Пошепкинь шамь чрезъ рвы на огонь и смерть
дерзаетъ,

По шрунамъ сопоспашъ въ храмъ славы до-
спизаетъ!

Тамъ Ржевской со своимъ перуномъ къ нимъ
лешитъ!

Тупъ Вейсманъ часпымъ ихъ ударомъ шягопитъ!

Сопрягши силы вдругъ всѣ рвутся, ускоряютъ,
Всѣ тупъ себѣ грудми въ спашъ вражій оп-
воряютъ;

Ни рвы, ни крупизны не могутъ ихъ здержатъ;

Единъ Гирею тупъ спасенія бѣжатъ.

Но ахъ! еще спойтъ владѣтель гордый Крыма;

Еще бросаетъ огонь на воздухъ полный дыма;

Оспавшихъ множеспвомъ опломовъ ограждень,

Крѣпится, борется, не вовсе побѣждень.

Племянниковъ, проспирись въ конецъ упорныхъ
сперши,

Запри ихъ въ челюстяхъ неизбѣжимой смерти.

Онъ молнію свою въ средину къ нимъ несепъ,

Пронзаетъ, жметъ, дробитъ, швердыни ихъ
прясепъ,

Въ кровавомъ весь пару, вершитъ кроваву сѣчу,

Осыпанъ градомъ стрѣль, шечепъ стрѣламъ на
встрѣчу!

Замятинъ ты разишь, Гудовичъ, не косни,
 Ты, Грошенгельмъ, еще ударъ, ударъ, блесни!
 Блеснулъ, раздался звукъ! побѣгли сопоспашы,
 Опъсюду пламенемъ и ужасомъ объяшы;
 Гирей и Абаза, Абды и Исмаиль,
 Избывшихъ ошь меча оспашокъ многій силъ,
 Въ безпамятствѣ, куда ихъ спрахъ влечешъ,
 несущся,
 И спрѣлы въ ихъ хребтахъ вонзенныя прясущся!
 Наверженны вокругъ бездушныхъ пѣль коспры;
 Краснѣють въ ихъ крови и доли и бугры.
 На высотѣ холмовъ Румянцовъ поржеспвуя,
 И перспомъ на корыспъ окреспну указуя,
 Сквозь мушнѣй прахъ гласишь къ сорапникамъ
 своимъ :

„Въ самомъ преддверіи мы славы днесь споймъ.
 „Что мечъ нашъ кровію Гирея омочили,
 „Мы къ выщей пунѣ чрезъ нѣ побѣдѣ получили.
 „Мужайшесь, храбрые, нашъ подвигъ не свершенъ,
 „Не полонъ блескъ хвалы, Визирь не сокрушенъ.
 Въщяя шако, пѣнь сорапнымъ раздѣляешъ,

И въ сердцѣ казнь вождю янычаръ умышляешъ.
 Скончались горкіе сраженія шруды,
 Вкушаютъ войны побѣды своихъ плоды;
 О жолѣ прекрасна шамь, колы чюдная премѣна!
 Ташарскіе шапры, Россійскія знамена!
 Та сѣнь, гдѣ брань предъ сѣмь Херсонской мы-
 слиль Царь,
 Священный мира домъ, Всевышняго олшарь!
 Тѣ холмы, что тряслись оны смертоносныхъ
 шресковъ,
 Ликують радостныхъ исполненные плесковъ!
 Тамъ Нимфы Ларгскихъ спруй въ веселіи поють,
 Защитникамъ своимъ вѣнки зелены вьютъ;
 „Здѣсь жизнь, оны гласятъ, какъ при Невѣ,
 прекрасна,
 „Кустарники, цѣшпы и жашва безопасна.

Межъ шѣмъ оставившій и рашь свою и спань,
 Въ Исакчу за Дунай спасаешся Капань;
 Такъ люшый шигрь берлогъ и чадъ своихъ по-
 кинувъ,
 Спреминся въ бѣгъ пыша и челюсти разинувъ,

Когда израненъ весь пенеша разорвешь;
 Бѣжишь, и по пуши ручьями кровь лиешь,
 Едва желаннаго убѣжища доспигнуль,
 Какъ перси обнаживъ ужасный спонь воздвигнуль.
 „Я ранами, ревешь, бѣгу опягощенъ,
 „Померкла честь луны, коль я не опомщенъ.
 Возскрежелъ Алій опъ ярости и гнѣву,
 Ядъ злобы по всему спалъ лишился въ немъ чреву,
 Просперлась на челъ нахмуренномъ гроза,
 Наполнились огнемъ и кровію глаза.
 Онъ помощь скорую Гирею обѣщаетъ,
 „Прерывнымъ голосомъ, будь бодръ, ему вѣщаетъ;
 „Ты пойдешь знаменемъ Магмеда покровень,
 „Твой будешь спудъ въ крови Россіанъ омовень.
 То рекши своему вдыхаешь жаръ народу
 Къ поспѣшному за Испрь велмишь шрубишь походу;
 Воздвигся въ ихъ спану внезапный крикъ и шумъ;
 Всѣ полны ярости, всѣ полны буйныхъ думъ:
 Возсѣли на коней, взвились, полетѣли,
 Подъ пушекъ шягошой колѣса заскрыпѣли;
 Вспалъ вихрь, подвиглась въ пушь рать многа
 безъ числа;

И злѡба пламень свой предъ нею понесла.
 Какъ плуча силою опягоспѣвши грома
 Чернѣепь на крылахъ Бореевыхъ несѡма,
 И сперва праздными ударами разишь,
 Прерывнымъ въ воздухѣ сверканіемъ грозишь,
 Вдругъ грянешь; деревья и горь верьхи дымящся,
 Со прескомъ башни въ низъ, и храмины валящся,
 Пущешесшвенникъ въ спешн огнь спрѡхѡ ниць
 падешь,
 И поблѣднѣвши машь къ сосцамъ младенца жмешь,
 Въ опчаянныхъ очахъ прясещся швердь земная:
 Толь грозень двигнулся Визирь изъ-за Дуная!
 Уже являемый сквозь гущинѡсть дыма блескъ,
 Прерывный въ воздухѣ орудій бранныхъ прескъ
 Преходь его за Истрь Славянамъ возвѣщаешь;
 Онъ дышущъ злобою не медля совѣщаешь
 Огнь, сѣру, и свинець на оныхъ одождишь,
 Однимъ приемомъ всю ихъ силу измождишь,
 Ударить, попрысши полнощи дальнымъ краемъ;
 О Россь, мужайся Россь! вся Норша за Ду-
 наемъ!

И се ужь болѣ Россіань не шерпя,
 И хипроснѣ съ силою враги совокуня,
 Какъ волки хищные помимы зѣльнымъ гладомъ,
 Чрезъ Салчу вдоль луговъ неспройнымъ скачущь
спадомъ,
 Пускающя хребешъ Россійскихъ силъ облечъ;
 Подкрѣпу жизни снѣдь коварспвующь опсѣчь.
 Безъ содроганія на козни ихъ взирая,
 И пушъ свой далѣ Румянцовъ просширая,
 „Возьми, сказалъ, свой щепъ, Волконской,
ополчись;
 „Херсонцы шамъ спояшъ, сквозь силы ихъ
промчись.
 Онъ мужеспва въ броню, онъ славы въ свѣшъ
облекся,
 Сквозъ пысянци враговъ, сквозь огнь и спрахъ
просѣкся;
 Воздвигъ прошивъ себя съ Гиреемъ весь Херсонь.
 Куда? Гирей! падепъ здѣсь всадникъ швой и конь,
 Опъ начинанія шодъ дерскаго престпанц;
 Воззри, уже давно успроимисъ ко брани

Тъ *) два подвижника, орды швоей бичи;
 Взгляни на острые въ десницахъ ихъ мечи!
 Бѣжалъ Гирей, и спалъ; зубами злая скрежещешь,
 Зияешь на корысть, коснувшись ей прелещешь.

Межъ шѣмъ свѣшимо дня оставишь пища

поншь,

Побѣды Россю зрѣшь спѣшишь на горизонтъ:

Румянцовъ воинство ко брани учреждаешь,

„Что нужды въ множествѣ, къ соратникамъ

гласишь,

„Побѣды не число, но храбра грудь, рѣшишь.

„Римляне, что до насъ вселенну побѣждали,

„О множествѣ враговъ опиюдь не разсуждали;

„Воздвигнемся, ударъ ударомъ упредимъ,

„Наспулимъ, попечемъ, О други! побѣдимъ.

Съ словами Марсовы вдругъ трубы заревѣли,

Геройскія сердца опмщенемъ воскипѣли;

Горящихъ яростью возводяшь взоръ очей,

Гдѣ гордый Янычаръ, гдѣ жершва ихъ мечей.

*) Генераль-Маіоръ Пошемкинъ, и Бригадиръ Гудовичъ.

Ошкрылись спаномъ шѣль Гиганшамъ равны
 Слаги;
 Рожденной множеспвомъ исполнены ошваги:
 Обзорѣваюшь мочь Россійску съ вышины;
 Озрѣвъ, и копыями ударивъ о щипы,
 Съ размаху, шьями шемъ пускающся прошиву,
 Подобны водѣ морскихъ шумящему разливу.
 Свисшъ ядръ, оружій шрескъ, ревъ махинъ,
 звукъ броней,
 Сражающихся крикъ и ржаніе коней,
 Визгъ, шопопъ, шумъ, и вопль до облакъ раз-
 даешся;
 Смѣсившисъ съ прахомъ дымъ на воздухъ вих-
 ремъ вьешся;
 Блиспаешъ бранный огонь какъ молнія въ ночи!
 Сверкаюшь ошпрые сквозь чорну мглу мечи!
 Во слѣдъ своихъ огней Россъ всюду успѣваешъ;
 Тамъ Олицъ бурей мчасъ, громъ громомъ ош-
 биваешъ;
 Тамъ Брюсъ чрезъ доль на холмъ. . . О доль,
 плачевный доль,
 Вмѣшпилице смертей и смерть родящихъ золь,

Гдѣ варвары едва, едва не заключенны,

Среди кипящія селишпроу теенны!

Вдругъ ринулся шолпой; обрушась вдругъ падушъ!

Вновь прынуць разскачасъ; вновь падни звукъ
дадушъ!

Тѣсняшся, мечущся, но спрахи обоюду!

Тупъ Брюсь, шамъ Олицъ рвешъ; погибель
оповсюду!

Прошли сквсзь огонь; огню подвержень ихъ хре-
бешъ!

Пушь заперить въ спанъ; бѣгушь какъ серны
опъ шенешъ!

Неслися быспро съ горъ, быспряе вспяшь
спремяшся,

И на бѣгу съ коней срываемы валяшся;

Тамъ груды мершвыхъ шѣль, спояли гдѣ шолпы,

Лежашъ, какъ класные, въ дни жашвенны, снопы!

Весь доль, прекрасный доль, коль буйна смерщ-
ныхъ злоба,

Въ минушу шруповъ полнь спалъ гнусный об-
разъ гроба!

Лишь смерти вырвались изъ челюстей враги;
 Сугубя смѣлые Россіане шаги,
 Турецкихъ въ сердце силъ достигнушь поспѣ-
 шающе,
 И близась къ гибели имъ гибель приближающе.
 Вновь начашъ бой, опяшь восколебалась швердь;
 Алій на Россіанъ пускаешъ градомъ смершь.
 И Россъ свой вержешъ огонь въ неспройны вар-
 варь кучи;
 Громовы и на нихъ падушъ обрушась пучи!
 Какъ въ нѣдрахъ огонь земныхъ со влагой брань
 начавъ,
 И Епины пягошу нечаянно взорвавъ,
 Бугры во слѣдъ бугровъ на воздухъ извергаешъ,
 И пламенна рѣка, чпо встрѣшшишь, пожираешъ;
 Ревешъ бездонна хлябъ, и здъ сзывая весь
 Грозилъ преобращашъ спихи въ прежню смѣсь;
 Тамъ смершныя бѣгущъ, опчаянъемъ объяшъ,
 Паряшъ воспрепенясь за облака пернашъ,
 Мянешся кипъ въ волнахъ и кроется на дно:
 Такъ жерла опворивъ гремишь Мелиссино;

Со клубомъ клубъ огня, смыкаясь шаръ со шаромъ,
 Непрерываемымъ бышь слышатся ударомъ;
 Прорвавшись жупеломъ кипящей океань
 Урчишь, клокочешь, жрешь прошивныхъ въ дымъ
 спань!

Горяшь Янычары, Султанска оборона,
 Паша, Топчи, Аги, его подпоры шрона!
 Россъ правя свой на нихъ бесъ отдыха полеть
 Едва раскашова ихъ, едва не досягнешь!
 Доспигь. . . . О злобный ковъ! О пагубна засада!⁹
 Какъ фурія на свѣтъ изверженны изъ ада,
 Враги изъ пропасти глубокой изскочивь,
 И въ ядь свои мечи змѣнной омочивь,
 На побѣдителей всей силой ударяюшь,
 И за ударами удары повшеряюшь!
 Спремисельный напоръ безчисленной шолпы
 Оспановляешь вдругъ геройскія шпопы.
 О бой, гдѣ собраны возможныхъ пагубъ роды!
 О видъ хощація разрушишься природы!
 То злы чудовища зіяя Россовъ жрушь,
 То сами въ ихъ рукахъ, ревя на воздухъ, мрупь!

Копыловъ весь въ пыли, въ попу, въ крови из-
ранень

Спояль, мешался, легъ вполсѣдокъ бездыханень;
Но съ жизнью мужество не кончилъ онъ свое,
Вонзенно держишь мершевъ въ соперника копьё!
Лишь началъ воинъ нашъ сражашися недружень;
Разспроенъ опснунуишь къ соратннмъ лишь по-
нужень:

Румянцовъ спавъ среди кровавья рѣки,
„Спанъ Россъ, со гнѣвомъ рекъ, спанъ солнце,
не щеки!

Лепишь на гласъ его послушная побѣда,
Не знаешь Мусшафы, Алія, Магомеда,
Сии безвѣспны ей и чеспи имена;
Онъ рекъ, и воины вдругъ спали какъ спѣна!
Тамъ *) первы именовъ, Россійскихъ силъ пред-
печи,
И Озеровъ наждавъ кровопролишностьъ сѣчи,
И вспрѣшивъ соноспанъ всей крѣпоснью плеча,
Перунами изъ рукъ, и молніей меча,

*) Первой гранодерской полкъ.

Тягчашь, пронзающь, рвущь, безглавящь, низ-
 вергающь,
 Кичливый духъ изъ шѣлъ огромныхъ изпоргающь!
 И ободренна рать пусясь жарчае въ бой,
 Мспитъ тысящю смерней свой варвараь раз-
 строй;
 Во перси, во главы, въ горшани, въ ребра, въ выи,
 Разящь чудожищей ноборники Россіи!
 Тамъ храбросіи опца ревнишель Салпыковъ,
 Сражаешь ихъ, вскоча въ средину ихъ полковъ;
 Въ шуму оружія, момъ пламеней и звуковъ,
 Ихъ колень, ихъ сѣчень, ихъ шопчешь Долго-
 руковъ,
 Чрезъ пруну скачешь конь! сверкаешь выше
 плечъ,
 Какъ молнія, дымясь кровавымъ паромъ мечь!
 Уже сокрушены, пошопшаны, разбины;
 Нещасливый Алій лишень всея защиты;
 Спреди и созади, со обонхъ споронъ
 Обхващенный не зринть, лишь гибель и уронъ.
 Баѣдѣя посреди ужаснѣйшей превоги,
 Онъ ищешь въ именахъ боговъ своихъ помощи;

Магмеда, Мустафу сподвижникамъ твердишь,
 Ни гласу своего, ни крови не щадишь.

Но Россы молніей сверкають разъяренны.

И сами въ молнію имъ зрящся прешворенны,

Всѣ крѣпки, аки львы, всѣ легки, какъ орлы

Черезъ доль на холмъ, черезъ рвы взлешають на
 валы!

Уже преодолевъ прошивничьи укрѣпы,

Съ собою все влекушь, ничпожашъ все, свирѣпы,

Какъ съ шумомъ, съ пѣной, шокъ люющійся

черезъ прагъ;

Подъ быспрошой ихъ ногъ ревель попоранный

врагъ.

Опьемли Воронцовъ оспавшія бойницы,

Сугубь, сугубь молодой раженіе десницы,

Щипы, орудія, Магмедскихъ лѣсъ знамень,

Огромныхъ Янычаръ бери руками въ плѣнь!

Не могли воздержашъ спремельня шоль жесшока,

Бѣгущъ служишели постыдны лжепророка,

Сласполюбиваго невольники царя;

Имъ пламенна въ очахъ мечтаешся заря,

Надъ выей смершь съ косою, и подъ ногами безны!

Въ напушснвіе въ ихъ нылъ свиспашъ шары
желѣзны,

И углубляюпся въ широкіе хребты;

По рвамъ, удолямъ, изъ пруповъ ихъ мосты!

Уже гора, гдѣ врагъ на Россовъ опомчался,

Подъ Росской вся пяпой; онъ стибъ, убѣгъ ум-
чался.

Умолкъ свиспъ пуль и бомбъ и хлябей мѣдннхъ
ревъ,

Преспалъ прясписъ ееръ, вершины горъ и
древъ;

Лишь слышенъ Турковъ спонъ; земля ихъ дер-
жинъ косни,

А души вземлетъ адъ исполненныя злоспи.

Изъ праха, мглы, паровъ, и дыма гуспоны,

Выводипъ блескъ своей побѣда красопы;

Румянцовъ славою блиспающій опкрылся;

Въ немъ сродный Марсу спанъ и видъ изобра-
зился!

Сквозь клики радостей, сквозь мрущихъ вар-
варь спонь,

Веселый взоръ возведь, вѣщаешь къ рапнымъ оны:

„О храбрыя сердца напасшими искушенны!

„Герои кровію и попомъ орошенны,

„Запмившіе на вѣкъ рогашой блескъ луны,

„Вамъ аспидовъ разишь, перуны вамъ даны!

„Спокойшесь; подвигъ свой вы нынѣ окончали,

„Вы славою себя безсмертной увѣнчали,

„Копорая одна геройскаму равна мзда;

„Я щаспливъ; вашего споспѣшникъ я пруда.

„Почіемъ мало здѣсь, и паки мышцы двигнемъ,

„Воспанемъ, поженемъ, опять враговъ поспиг-
немъ;

„Къ шому насъ долгъ, къ шому Аспрея нудить
насъ;

„Екатериинь гласъ небесъ правдивыхъ гласъ.

„Проспремся, умершвимъ всю злобу въ смерш-
ныхъ родѣ,

„Принудимъ варваровъ послѣдованъ природѣ.

Скончавши рѣчь умолкъ полночный Ахиллесъ,

Зефиръ его слова по воинству разнесъ;
 То внявъ, герои всѣ герою всплескали,
 И слезъ оцъ радости попоки испускали!
 Умами полными минувшихъ шучи бѣдъ,
 Обильный зримыя побѣды черплютъ свѣпъ;
 И пыль и потъ съ лица геройска опирая,
 Съ веселіемъ на кровь изъ ранъ своихъ взирая,
 Я щасливъ, мыслишь всякъ, я жизни не жалѣлъ
 Я вѣрность кровію своею запечашлѣлъ.

О древній Римъ, опецъ непобѣдимыхъ воевъ,
 Подъ солнцемъ славимыхъ училище героевъ,
 Ты, кой, оцъ многихъ царствъ честиуемый ку-
 мирь,
 Съ седми взирамъ холмовъ на покоренный мѣръ,
 Хотя различныя и многіе превраты,
 Пороки внутренни, набѣгши сопоспашы,
 И злобный щасью рокъ повергъ тебѣ и смеръ,
 Упѣшься, и поднесъ геройства ты примѣръ!
 Монархія твоихъ питомцовъ уважаетъ,
 Велишь, да имъ Ея подвижникъ подражаетъ;

На страхи онъ лешя, на копья, на огни,
 Не зришь числа враговъ, лишь ищешь, гдѣ они.
 Нашель, поспигъ, разбилъ, дѣлалъ своимъ ко-
 рысши;

Ни силы конскія, ни мужескія лыспи
 Не мегунъ быспрошы нуши его пресѣчь,
 Румянцовъ громъ занесъ! врагъ долженъ паспъ,
 иль бѣчь.

Вы Ларгскія струи кровями огуценны,
 Салпугъ, Кагуль, въ своихъ потокахъ воспященны,
 Вершина каждой здѣсь дымящейся горы;
 Руками Римскими воздвигнушы бугры,
 Гдѣ войскъ Траяновыхъ изображенны слѣды,
 Вы Росской надъ врагомъ свидѣтели побѣды!
 Гирей разбитъ, Алій поверженъ навсегда;
 Твоя, О Муснафа, веспъ войско днесъ чреда;
 И щаспье, можепъ быпъ, шебъ послужипъ болъ,
 Герой, оставъ сераль, и выйдъ на рашно поле!

Межъ шѣмъ враги свой коль ни ускоряюпъ
 бѣгъ,
 Имъ мнипся, вдаль опъ нихъ шечешъ Дунайской
 брегъ;

Въ подобіи ловцемъ распуганныхъ еленей
 Бѣгушь, и собсшвенныхъ, бѣжа, шрепешушь
 шѣней.

Журчанье шихихъ водъ, пріятный шумъ древесъ,
 Въ ихъ слухахъ аки шрескъ грозящихъ пасшь
 небесъ.

Не зряшь проложенной ошь спощь своихъ дороги,
 И подгибающа прясущіяся ноги.

Явись, явись скоряй желанна имъ рѣка;

Уже являешся! уже не далека!

Взыграли радосшью, шасшпливый бѣгъ сугубяшь,

Шпремяшся, да скоряй самихъ себя погубяшь.

Сперлися на берегу нещасшны бѣглецы,

Спѣшашци погребсшлись въ Дунаѣ мершвецы!

Ошь спраха обуявь сѣщися начинаюшь;

Брашь брашу, сынъ ошцу пушь въ бѣгсшвѣ за-
 пинаюшь;

Всякъ хочешъ въ ладш сѣдалецъ первой бышь,

Ошавя всѣхъ судьбѣ одинъ за Испрь уплышь.

Бросаюшся шремглавь, другъ друга подавляюшь,

Кормила, парусы и весла направляюшь,

Стремятъ медленнѣе ко плаванью суда ;
 Пловущь , но имъ въ волнахъ соспранспуееть
 бѣда.

Обремененныя ихъ множествомъ махины
 Чуть движущся , шрещашъ , и шовущь средь
 пучины ;

Оружія , брони , и копыя и щипы ,
 Сущь въ вѣщу гибель имъ служащи пягопы .
 Колеблющя въ волнахъ , борющися съ волнами ;
 Поглощены водой глошающъ воду ршами ;
 Запрудь среди рѣки изъ ихъ воздвигся шѣль !
 Колико гнѣвъ небесъ на нихъ опягошѣль !
 Запѣмъ изъ пламеней свирѣпыхъ изхищенны ,
 Чпобъ были хлябію несыпой поглощенны ;
 Спихиіи разныя , но смерши имъ однѣ ,
 На полѣ рапиномъ лечь , иль подь водой на днѣ !
 Уже снарядовъ ихъ , судовъ и шруповъ полны
 Превыше береговъ Дунайски льющся волны ;
 Немогши пронесшися въ Евксинскіе край ,
 Къ истоку вспящъ пекущъ кровавья спруи .
 Остановившуся возчувшовавъ пучину ,

Опасны вамъ мечи; шупъ жерла волнь несышны!
 Союзна рапъ въ виду; но вамъ избавы нѣтъ;
 То вашихъ щещная свидѣтельница бѣдъ!
 Взмахнуль перуномъ Россъ; они оцѣпенѣли,
 Оковы тяжкѣя на плѣнныхъ завѣнѣли;
 Къ Славенамъ въ спанъ кавакъ Азійскій скопъ
 погналь,
 Алій увидя по за Испромъ воспеналь,
 И мокры ушлецы ошь спраха запряслися,
 Чшобъ Россы по волнамъ и къ нимъ не прене-
 слися.
 О рокъ! Героямъ въ слѣдъ, шы гѣвъ свой днесъ
 ослабъ;
 Насыщена земля ихъ шрупами и хлябъ!

Крушился и шумить Дунай окровавленный,
 Не двигнешя Алій, по громъ изумленный.
 Онъ войска своего всю скудосшь оцущилъ,
 Чѣмъ холмы и поля недавно пягошилъ;
 Какъ львица по своемъ изчадіи крушился,
 Терзаешя, реветъ, но плынь за Испрь спра-
 шилъ;

Всю сладость пѣсней льюшь въ привычный къ
леснямъ слухъ.

„Всегда, гласяшь, всегда премѣнно счастье боевъ;

„Напасши, спрахи сущь училища героевъ,

„Кто выигралъ, счастьеливъ; кто пвердъ въ бѣ-
дахъ, великъ.

„Не рѣдко превращень во плачь торжественъ
кликъ,

„И скорби слѣдоваль внезапный лучъ оправды,

„Еще велика рать, еще объ онъ полъ грады. . . .

• Они поюшь, межъ шѣмъ въ осадѣ Измаиль.

Трепещущу главу предъ Россами склониль;

Защитники его, какъ громомъ оглушенны,

Шашаюцца ума и бодрости лишены;

Денисовъ, Еловайскъ, за ними въ слѣдъ бѣжишь,

Подъ конскими земля копытами дрожишь.

Пересѣкаюшь всѣ къ спасенію дороги,

Укрышься не даюшь въ знакомы имъ берлоги.

Туркъ въ полѣ; пагубныхъ ловишва онъ сѣтей!

Туркъ въ градѣ; нища онъ пылающихъ огней!

Сдавайся Киль скорый, что спрѣлы ты пуска-
ешь?

Ты смертию Внукова всѣ смерти навлекаешь.
 О грозный сынъ громовъ! О дерзоспный орель!
 За шаромъ ши своимъ высоко возлещѣль;
 Вдругъ палъ въ подобіи подсѣченной лилеи,
 И кровью окропилъ Россійскіе профей!
 Ты меривъ, но въ памяти попомковъ будешь
 живъ,
 Пророчишь муза то и гласъ ея правдивъ.
 Ужь Россъ внупръ Кильскимъ спѣнь гражданамъ
 щасье пишешь,
 И милосердіемъ къ плѣненнымъ Туркамъ дышешь;
 Обезоруженнымъ умѣешь онъ прощатьъ,
 Онъ посланъ варваровъ карашъ и просвѣщатьъ.
 „Спуайше, се жены безвредны вамъ и чада,
 „Живите, Росская вамъ жизнь даритъ Паллада.
 Они спасенные съ имѣніемъ плвущъ,
 И въ сердцѣ Муспафу неисповымъ зовущъ.
 Великодушіемъ героевъ изумленны,
 Озряся смошрянь вспянь на Кильски съ пла-
 чемъ спѣны.
 „Что се? сквозъ слезные пощоки вопіюшь,

„Безумствуешь Султанъ, а Турки кровь лютятъ!

„Онъ ищетъ поржешва, мы жизнь и благо
трапимъ,

„Толь дорого ево непросвѣщенность плашимъ!

Едва плывущій Туркъ до Тулчи досягнуль,
Какъ вдругъ Россійской огонь на Акерманъ свер-
кнуль!

Велѣнью бодрого послушны Игельшпрома,
Пылаешь зелѣ, и громъ лепишь въ слѣдъ грома;
Трясушся верей, заклепы и врапа,
И рушишся домовъ и башень высота.

Но О жестокой рокъ! О пагубны приспугы!
Почто со вражьими смѣшенны Россовъ шругы?
Такъ жаждущій кровей, такъ хочешь брани богъ.
Я вижу, мершвъ лежишь Сабуровъ и Кинлогъ!
Кинлогъ, что мѣшкою стрѣлил враговъ рукою,
И проливалъ ихъ кровь въ сраженіяхъ рѣкою.
Блискаешь на груди безсмертной славы знакъ,
Просперть на очесахъ всегдашней ночи мракъ!
Уже сильнай спѣсненъ пощады Бѣлградъ просишь,
Россіянамъ ключи съ почтеніемъ износишь;

Отверзь врага и все героямъ поручилъ.

Единъ въ неисповсѣвъ упоршвуешь Браилъ.

Сей гордой Полифемъ главою попряся,

Руками въ Россювъ огонь и челюстьми бросая,

Изъ ихъ лещащу рукъ преперпѣваешь смерть,

Ревя подь градомъ спрѣлъ ногами топчешь

швердь!

Но сколь ни грозень онъ споялъ, пылалъ, ды-

мился,

И задунайскими чудовищми крѣпился,

Впослѣдокъ просяжень, горѣ подобень, легъ;

Спустиль на чрево Россю, чудовищъ полкъ убѣгъ.

Тонимы изъ долинь, изъ роць, изъ Букареста,

Въ разсѣлинахъ земныхъ не обрѣшаюшь мѣсна.

Что нощю въ шросшникъ скрываешся Менкобъ?

Чшобъ Тулча днемъ была превращена во гробъ.

О храбрые! и шамъ побѣды слѣдъ проложенъ!

За Испромъ Дмишривъ, Алій въ спану вспре-

вожень!

Преносишь въ шрепешъ на дальній холмъ шапры,

Бросаешь огненны по воздуху шары.

Что все прапишь громъ, и шѣвъ за Россювъ
вземлешь?

Мы вѣримъ; ты герой, ты бодрствуешь, не
дремлешь;

На Журжу пламенемъ дымящюся воззри,

Оспавъ Бабады, ей на помощь ускори.

Избавленные гдѣ опъ рабства Акерманцы

Браильски бѣглецы, Букрѣшскіе изгнанцы,

И многіе полки зарѣчныхъ Агарянь,

Горами обнесли и пропасшми свой спань;

На неприступные, на смершны окопы,

Пишомцы сѣверной пускающся Европы,

Лешянь забрала ихъ и спѣны сопрясни,

И всѣхъ подъ шягопой развалинь погребсти.

Любимовъ шамъ, Толшповъ, шамъ жаждущій

профеевъ

Кольбакинъ, Робиндерь, и храбрый Аплечеевъ

Бросается въ огни, прескакивають рвы;

Гагаринъ, Аршеневскъ, шамъ мечущся какъ львы.

Всякъ грудью пушь шворишь межъ вражьими

полками,

Спущая смѣлыми по прупамъ ихъ пятами!

Уже разрушены всѣ ужасы преградъ,

Наполнился кровей, огня и плача градъ.

Иноплеменники разсыпаны, попраны

Бѣгущь омышь въ волнахъ пекущи кровью раны.

То ихъ обычной гробъ; имъ легче лямъ мерещь,

Какъ Росса на себя съ коньемъ лепяща зрѣшь!

Еще въ округѣ спѣнь крѣпится сила многа;

Оставивъ не хотя послѣдняго берлога

Звучашь, гремяшъ, но ихъ не вредень Россамъ

звукъ;

Изъ Караулова мѣпчае громы рукъ.

Вонь дерзскіе опсель, вонь гнусны изувѣры!

Вась жадушъ къ себѣ давно Аравскія пещеры,

Камнистые бугры, безплодные поля;

То ваша дѣдовска, наследная земля.

Просперли вы свои во всѣ края разбои,

Изъ всѣхъ краевъ вась гнашь днесь посланы герои.

Напрасно варвары гражданами слывущь;

Змѣиныя сердца съ змѣями пущь живущь.

Спупайте, блажь вамъ пущь; се ладимъ несипещь;

Слезами Граціи вамъ струны омывають,
И музы аромать на гробы возливають!

Ушихни люта брань, О варварь! укротись;
Побѣдоносный Россъ скорле возвратись;
Доколѣ намъ о васъ, О други! сокрушашься,
И лицезрѣнія сокровныхъ намъ лишашься?
Иль мирны возвращашь лютейшей бранью дни,
И паки намъ пускашъ желанья къ вамъ одни?
Ещель прошивники ещель въ конецъ не спертны?
Къ вамъ очи, къ вамъ сердца, къ вамъ руки
всѣхъ простертны!

Сокрывъ свои мечи дымящися въ крови,
Лепше нѣжнѣйшей въ объятія любви.
Васъ матери, отцы, васъ жены ждуть, и чада;
Ихъ зрѣнь, колика вамъ по подвигахъ опрада!
Когда васъ теплыми слезами омывашъ,
Когда спасительми лобзая будущъ звашъ!
Всѣ вашимъ бдѣніемъ безпечны и щасливы,
Немногихъ смертію всѣ, Небу слава, живы.
Науки, судъ, шорги, и нивы здѣсь цвѣтуть;

Прекрасныхъ Нимфы рошъ вѣнки для васъ плещушь,

И музы погружась въ желанное спокойство,
До облакъ ваше внесешъ усердствуюшь герой-
ство.

О опчешва сыны! недремлющи орлы,
Взлещѣвши всякія превыше похвалы!
Екатерининою душою предводимы,
Пылающіе къ Ней любовью Серафимы,
Предъ взоромъ коихъ самъ прещещъ брани
богъ!

Примите въ чисный даръ, примите вы мой слогъ:
Онъ вашихъ лишь именъ глашеніемъ возвышенъ,
И громомъ вашихъ рукъ единымъ громомъ, пы-
шенъ.

На что Гомеровъ пошь? довольно спихъ кра-
сень,

Терзающій змія Румянцовъ гдѣ внесень.

Ты храбрый Россовъ вождь, вѣнчанный лавромъ
воинъ,

Георгія, и всѣхъ музъ пѣнія достоинъ,

Сквозь грозной брани шумъ, пы пѣснь мою внуши!
То жертва чпящя геройску грудь души.
Опець швой съ Турками вель мирныя бесѣды;
Ты къ миру нудишь ихъ чрезъ пляжки имъ побѣды.
Взнесись швоей хвалы на вышшій горизонтъ;
Переспуи Дунай, достигни въ Геллеспонтъ;
Паря подобнаго усердія крылами
Съ Архипелажскими соединишь Орлами;
Дерзай; гдѣ свѣшшшъ лучъ, восходишь гдѣ заря,
Екатѣрина на суша и моря.

О Г Л А В Л Е Н І Е

СОЧИНЕНІЯМЪ СОДЕРЖАЩИМСЯ ВЪ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

	<i>Стран.</i>
I. На Карусель 1766.	3.
II. На сочиненіе Новаго Уложенія . .	18.
III. На войну съ Турками 1769	33.
IV. На взятіе Хопина 1769.	40.
V. На взятіе Ясь 1769.	50.
VI. На побѣду Россійскаго флота надъ Турецкимъ 1770.	60.
VII. На побѣды въ Мореѣ 1770.	72.
VIII. Его Сіяшельству Графу Григорью Григорьевичу Орлову Генваря 25 дня 1771.	78.
IX. На прибытіе Графа Алексѣя Гри- горьевича Орлова изъ Архипелага въ Санктпешербургъ 1771.	83.
X. На заключеніе съ Опшоманскою пор- шою мира 1775.	87.
XI. Его Сіяшельству Князю Григорью Александровичу Попемкину 1775.	111.
XII. Его Сіяшельству Графу Пешру Алек- сандровичу Румянцову Задунайскому 1775.	120.
XIII. На новыя учрежденія для управле- нія Губерній 1776.	129.
XIV. На день Коронованія Ея Император- скаго Величества. Сенсября 22 дня 1778 года.	139.
XV. На Всевождељнное Рожденіе Вели-	

	каго Князя Александра Павловича 1777 года Декабря.	144.
XVI.	Его Свѣшлости Князю Григорью Алек- сандровичу Пошемкину 1777.	158.
XVII.	На день Тезоименишства Ея Импе- рашорскаго Величештва Ноября 24 дня 1778 года.	165.
XVIII.	Его Свѣшлости Князю Григорью Александровичу Пошемкину 1778.	170.
XIX.	На Всевождедѣнное Рожденіе Вели- каго Князя Константина Павловича 1779 года Апрѣля.	184.
XX.	Его Свѣшлости Князю Григорью Александровичу Пошемкину 1779.	189.
XXI.	Пѣша въ Маскерадѣ на Озеркахъ 1780.	192.
XXII.	Должноспи общежитія изъ сочине- ній Господина Томаса.	194.
XXIII.	Поема на побѣды Россійскаго воин- ства, подъ предводителешствомъ Ге- нерала Фельдмаршала Графа Румян- цова, одержанныя надъ Тапарами и Турками.	205.

ПОГРѢШНОСТИ,

ВЪ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

<i>Стран.</i>	<i>Строк.</i>	<i>Напечатано</i>	<i>Читай:</i>
13. . . .	9.	Ужь	Ужь
19. . . .	12.	Межь	Межь
37. . . .	8.	Ужь	Ужь
66. . . .	15.	несшь	несшь
78. . . .	8.	Сквозь	Сквозь
88. . . .	5.	Ужь	Ужь
93. . . .	14.	миръ	миръ
97. . . .	11.	Осуешилась	Осуешились
100. . . .	20.	Ихъ	Ихъ
113. . . .	23.	левъ	левъ
128. . . .	5.	коль	коль
208. . . .	4.	во врагѣ	въ оврагѣ.
